ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

16+

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (09) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора
П. В. Сивцева-Максимова, д. филол.н.

Выпускающий редактор
С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:
Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания
В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация
А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация
Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США
Б. Т. Койчуев, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан
Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан
М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация
Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация
П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация
К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация
А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан
К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация
Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация
Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация
Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация
У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация
Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация
В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация
С. С. Имихелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация
И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация
Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация
С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация
Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация
О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация
М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация
В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация
Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация
Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГИиПМНС СО РАН, Российская Федерация
В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация
Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58
Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228
Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54
Северо-Восточный федеральный университет

http://voprnalit.elpub.ru

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Academic periodical
Online edition
Published since 2021
The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (09) 2023

EDITORIAL BOARD

Head editor
A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing editor
S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:
T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK
V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow
A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA
B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan
R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan
M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow
Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow
P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation
K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow
A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation
Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation
L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation
U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation
L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation
I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation
G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation
S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation
N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation
O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation
N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation
V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation
L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation
V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation
Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000
Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovsky str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000
Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54
http://voprnalit.elpub.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Бурцев А. А., Бурцева М. А. Художественная проза Н. Михалевой – Сайа..... 5
Иманова С. И. К вопросу об идентификации авторства Мирзы Шафи Вазеха..... 15
Павлова О. К., Лукина К. В. Творчество Н. В. Михалевой - Сайа: разновидность тем и особенности лирического субъекта..... 21

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

Алексеева С. В., Илларионова Т. В. Первые магнитофонные записи якутского фольклориста В. В. Илларионова..... 28
Сафиуллина Р. Ф. Традиции восточной литературы и фольклора в поэме «Кыйссаи Ибрахим Адхам» татарского поэта XIX в. Габдельджаббара Кандалыя..... 33
Khusaynova G. R. Specifics of the dastan genre structure in variants of “Tahir and Zukhra” and “Leyla and Majnun”: Creative techniques and their forms in Tatar romanic dastans..... 42

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

Сивцева Н. А. Глаголы каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»)..... 56

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

Надергулов М. Х. Литературовед, археограф, текстолог (Башкирский ученый Г. Х. Абдрафикова отмечает свое 50-летие)..... 64
Дарбасова С. Д. Трибьют-презентация «Кулаковский среди нас»..... 68

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

Burtsev A. A., Burtseva M. A. Artistic prose by N. Mikhaleva - Saya..... 5
Imanova S. I. On the issue of identifying Mirza Shafi Vazeh's authorship..... 15
Pavlova O. K., Lukina K. V. Writing of Natalia Mikhaleva-Saya: a variety of themes and features of the lyrical subject..... 21

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

Alekseeva S. V., Illarionova T. V. The first tape recordings of Yakut folklorist Vasily Illarionov..... 28
Safiullina R. F. Traditions of Oriental literature and folklore in the poem "Kyissai Ibrahim Adham" by the Tatar poet of the 19th century Gabdeljabbar Kandaly..... 33
Хусайнова Г. Р. Специфика структуры жанра дастан в вариантах «Тахир и Зухра», «Лейля и Меджнун» (Творческие приемы, их формы в татарских романических дастанах..... 42

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

Sivtseva N. A. The verbs of causation of the beginning of existence in the poetic text of A. E. Kulakovsky «Ottoku oluk algyha » («Blessing of the middle generation»)..... 56

INFORMATION. CHRONICLE

Nadergulov M. Kh. Literary critic, archaeographer, textual critic: a Bashkir scholar Gulnara Abdrafikova celebrating her 50th birthday..... 64
Darbasova S. D. Tribute presentation "Kulakovsky among us"..... 68

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-31Михалева-Сайа.09
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.80.57.001

Художественная проза Н. Михалевой - Сайа

А. А. Бурцев* ✉, *М. А. Бурцева
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия
✉ anatoly_burtsev44 @mail.ru

Аннотация. Н. Михалева известна среди читателей, прежде всего, как поэтесса. В поле зрения критиков тоже находится главным образом ее поэзия. Между тем в творчестве Сайа представлен целый ряд прозаических произведений. В настоящей статье рассматривается жанровая специфика малой прозы писательницы, которая включает психологические и нравоописательные рассказы, а также очень своеобразные новеллы-рефлексии. Что касается повестей, то интерес представляют не только их жанрово-композиционные особенности, но и специфические приемы и принципы персонификации в «Голубом подснежнике» и «Уйгуре». Таким образом, исходя из ценностных критериев при анализе прозаических произведений Н. Михалевой, авторы приходят к выводу, что художественная проза Сайа по своему уровню по крайней мере не уступает ее поэзии и относится к лирическому направлению в современной якутской литературе.
Ключевые слова: нравственно-психологический рассказ, новелла-рефлексия, лирическая повесть, «рождественская» история, мотив «одушевленной вещи», лирическое отступление, принцип «китайского шара или русской матрешки», анималистика, «птичья образность».
Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Художественная проза Н. Михалевой – Сайа. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 5–14. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.80.57.001.

Artistic prose by N. Mikhaleva - Saya

A. A. Burtsev* ✉, *M. A. Burtseva
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
✉ anatoly_burtsev44 @mail.ru

Abstract. N. Mikhaleva is known among readers primarily as a poetess. In the field of critics view is mainly her poetry as well. Meanwhile, the work of Saya presents a number of prose works. This article discusses the genre specificity of her short prose, which includes psychological and moralistic stories, as well as original short stories-reflections. As for the stories, not only their genre and compositional features are of interest, but also the specific techniques and principles of personification in “The Blue Snowdrop” and “Uigur”. Thus, proceeding from the value criteria in the analysis of N. Mikhaleva's prose works, the author comes to the conclusion that Saya's artistic prose is at least as good as her poetry in terms of its level.
Keywords: moral and psychological story, short story-reflection, lyrical story, “Christmas” story, motive of “an animated thing”, lyrical digression, principle of “Chinese ball or Russian matryoshka”, animalism, “bird figurativeness”.
For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. Artistic prose by N. Mikhaleva – Saya. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 5–14. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.80.57.001.

© Бурцев А. А., Бурцева М. А.

В читательских кругах Сайа больше известна как поэтесса. Не случайно ее благословили народные поэты Якутии И. Гоголев, М. Ефимов и Р. Багатайский. Об этом же свидетельствуют суждения критиков [6]. Но подобно своим старшим собратьям по перу (одно из ее стихотворений называлось «Улахан Убайдарым»), Наталья Михалева стала прозаиком. Причем ее прозаические произведения по своему художественному уровню по крайней мере не уступают поэзии.

Обычное определение прозаических произведений Сайа как повестей или рассказов является весьма неопределенным и расплывчатым, т. к. не раскрывает их многогранного жанрового облика. Проза писательницы вбирает в себя такие разновидности, как лирико-психологическая повесть и повесть нравоописательная (этологическая), нравственно-психологический рассказ и рассказ философский. Кроме того, в творчестве Сайа представлены новеллы-рефлексии и разнообразные жанровые модификации юмористики.

Например, замечательная жанровая многогранность отличает рассказ «Слезы Хаарчааны» («Хаарчаана хараҕын уута»). В нем использован традиционный канон «рождественской» истории, известный в мировой литературе по произведениям Ч. Диккенса, Г. Х. Андерсена, М. Метерлинка, в русской литературе – по творчеству Н. Гоголя, Н. Лескова, А. Чехова, А. Куприна. В якутской литературе известен рассказ Суорун Омоллона «Рождественский вечер». Но при всей видимой простоте рассказ Сайа таит в себе эффект белого цвета, при разложении дающего целый спектр различных оттенков. В «Слезах Хаарчааны» традиция нравоописательного рассказа сочетается с ироническим повествованием о «трудах и днях» незадачливых абитуриентов, натуралистическое описание быта «новых якутов» с очерковыми зарисовками теневых черт «массовой культуры», элементы лирико-психологической исповеди с «эффектом переосмысления», восходящим к жанру новеллы. Соответственно строится характерология рассказа, включающая несколько образных антитез: бросивший на произвол судьбы Дарину – Хаарчаану фальшивый Дед Мороз – Серж и благородный Бэтмен – Георгий, неожиданно для себя оказавшийся в обществе двух приятных «дам», бедная сирота Айсена и похожая на Козетту из романа В. Гюго «Отверженные» большеглазая кукла, или, наконец, «сладкая парочка» – беззастенчивая женщина Лариса и ее деловой партнер, – собирающаяся закабалить Дарину – Хаарчану [4, с. 155- 221].

Рассказ «Проклятое кольцо» («Кырыыстаах биһилэх») построен на мотиве «одушевленной вещи», тоже известном по произведениям Э. По, О. Бальзака, О. Уайльда, Н. Гоголя и других писателей. Молодая успешная дама, сотрудница крупного государственного учреждения, этакая selfmade woman, державшая под подушкой книгу Д. Карнеги, опрометчиво купила за бесценок у случайного прохожего золотое кольцо. Оно оказалось магическим, приносящим одни беды, и с этого момента у Дианы началась полоса неудач. Этот полумистический сюжет позволяет автору в ироническом контексте раскрыть разные стороны общественных порядков и человеческих нравов, начиная с бюрократии и снобизма, кончая взаимоотношением поколений и воспитанием детей.

Среди прозаических произведений Сайа особняком стоит мистическая история «Светлая тень» («Сырдык күлүк»), основанная на фольклорных источниках. Вслед за Н. Заболоцким («Марфа»), подобно Н. Лугинову, автору «Хуннских повестей» или В. Федорову, автору рассказа «Лунная соната», писательница пытается заглянуть в иной, тонкий, параллельно существующий мир. Не случайно ее герой предается рефлексии и даже позволяет себе пожалеть «бедных двуногих», которые не подозревают, что «рядом с ними существует какая-то другая жизнь, невидимое им иное пространство»: «Икки атахтаах эрэйдээхтэр субу тастарыгар, ыксаларыгар, кинилэр быыстарыгар туох эрэ атын олох, кинилэр харахтарыгар көстубэт эгэлгэ эйгэ баарын билбэккэ үйэлэргэ олоруохтуу туохха эрэ дьулуһаллар, охсуһаллар, ситиһэллэр, ситтэрэллэр. Ол олоҕу туораттан туран одуулааччы мин буолуом дуо?» [2, с. 41].

В рассказе «Выигрыш» («Сүүйүү») Сайа продемонстрировала мастерство психологического анализа. Речь идет о двух друзьях: один из них (Бааска – Василий Петров) преуспел в жизни, у него свое хозяйство, дом – полная чаша; другой (Миичик – Михаил Семенович), добрый, с покладистым характером, оказался неудачником, его главное богатство – многочисленные дети. В детстве с ними произошел случай, который едва не обернулся трагедией: играя во время половодья на берегу реки, Бааска упал в воду. Миичик успел протянуть ему длинную палку и изо всех сил пытался вытянуть друга, которого уносило течение. Несмотря на сильное напряжение и боль от содранной кожи на ладонях, он продолжал удерживать палку до тех пор, пока взрослые не услышали его плач и прибежали на помощь.

Во время праздника ысыах в улусном центре организовали лотерею с главным выигрышем – автомобилем «Жигули». Бааска приобрел десять билетов, их вытянула его маленькая дочь Элиэнчик («Елена Прекрасная»). Миичик загодя прибыл на ысыах из наслега, как обычно остановился у друга детства и загулял на несколько дней. Он тоже купил на последние деньги пять лотерейных билетов, положил в карман куртки, которую одолжил у Бааски, и забыл о них. Во время розыгрыша лотереи хозяин куртки обнаружил в кармане лишние билеты, но успел перемешать их со своими. На один из них выпал выигрыш автомобиля, и в радостной суматохе Бааска не стал выяснять, чей билет оказался счастливым. Но после этого его целый год терзала мысль, что он присвоил чужую машину. Тем временем тяжелобольную жену Миичика Марианну, которая некогда считалась первой красавицей в деревне, и Бааска даже засматривался на нее, направили на операцию, и ей понадобились деньги. Миичик долго не решался обратиться к другу детства, а тот, с трудом заставив его рассказать о проблеме, испытал облегчение, срочно продал машину и передал деньги Марианне.

В русском переводе рассказа, выполненного Е. Каминским, изменены не только имена героев (Бааска стал Тусхааном, Миичик – Бэргэном, Марианна – Сиибиктой), но и его финал: вместо фигуры умолчания Тусхаану «почудилось, что время вернулось вспять, и это он уже тащит из бурлящей реки утопающего Бэргэна,.. но тот такой тяжелый, что он, Тусхаан, уже не может его держать, не может за него бороться, не может больше терпеть это напряжение... И он вдруг разжал ладони, выпуская рулевое колесо и в изнеможении закрывая глаза... А всего в нескольких километрах от страшной аварии по дороге шагал Бэргэн и чувствовал себя вполне счастливым человеком. Ему вспомнился шепот молоденькой Сиибиктэ, прильнувшей к его груди в дембельской шинели, те ее искренние слова: «Бэргэн, мне так радостно, что ты есть...» [1, с. 154].

В книги «Сегодня ночью» («Бүгүн түүн», 2000), «Безымянный цветок» («Аата суох сибэкки», 2009) включены «акварельные»1 новеллы-воспоминания Сайа о детских впечатлениях («Подснежник», «Белый снег», «Милые дети» и другие). В одной из них она поведала о том, как ее, только что появившуюся на свет божий, отец вместе с матерью перевез на санках через Вилюй прямо перед ледоходом. Уже потом мать рассказала ей, как им было страшно и почему-то стыдно, потому что на противоположном берегу собралась целая толпа односельчан, переживавших за них. Кто-то из очевидцев той смертельно опасной переправы впоследствии, когда она стала известным тележурналистом, сказал, что «это были твои первые зрители». И Сайа призналась: «Я до сих пор верю, что биение их сердец и тепло их глаз продолжает охранять мою утлую лодку, плывущую по великой реке срединного мира» («... миигин ис сүрэхтэриттэн саҕыллан тахсар харахтарын уотунан эҕэрдэлиир түгэннэрэ орто дойду олоҕун уорааннаах улуу өрүһүн этэҥҥэ туоруурбар күүс-көмө, тирэх-сэниэ буолуоҕар эрэллээхпин» («День рождения») [4, с. 80].

В новелле «Весенняя пора» рассказывается о том, как в «весеннюю пору» жизни маленькая Сайа любила погружаться в прекрасный мир книг, таких, как «Птички

1 Эпитет «акварельные» в свое время использовала профессор Арфо Ароновна Петросян применительно к новеллам классика якутской литературы Н. Д. Неустроева.

встречают солнце» («Чыычаахтар күнү көрсөллөр») П. Тобурокова. Особенно долго она находилась под обаянием «Весенней поры» («Сааскы кэм») Н. Мординова, воображая, что находится в юрте Лягляриных, слушает волшебные сказки старой Дарьи, горюет вместе с Никиткой, когда сгорела его новая рубашка, плачет, когда погиб Дмитрий Эрдэлир.

В новелле «Овраг» автор вспомнила свое разочарование, когда с содроганием спустившись вместе с детьми на дно страшного оврага, ничего таинственного там не обнаружила. Тем не менее, вспоминая детство, ее не покидает ощущение, что за каждым поворотом ей может открыться что-то прекрасное. В этих новеллах-рефлексиях возникает образ лучезарного детства, как и в одном из ранних стихотворений:

Ытыспынан толору
Дьолу сомсон турарым,
Бу кэлиэхтээх туох эрэ
Дьикти кэмин күүтэрим...
Олох кэрэ диэн этэ,
Олох дьикти диэн этэ!

Н. Михалева - Сайа внесла заметный вклад и в жанр повести. Пока в ее активе две повести: «Голубой подснежник» («Күөх ньургуһун», 2004) и «Уйгур» (2021). Первая из них по жанровой форме относится к разряду лирических произведений, т. к. она проникнута эмоционально насыщенным авторским чувством, и ее основной пафос связан с переживаниями главной героини, на долю которой выпадают разнообразные жизненные испытания. Повесть имеет центростремительную композицию, т. е. в ней раскрывается не вся биография героини, последовательно, эпизод за эпизодом, а внимание фиксируется на самых этапных, поворотных событиях ее жизни.

В годы учебы в университете Оленька (так все ее звали) жила ожиданием несказанно прекрасного мира, который должен был открыться перед ней. Этот созданный ее воображением чудесный мираж начал рушиться, когда она осенним дождливым днем с дипломом учителя французского языка в кармане ступила на грязный берег реки Добун у небольшого поселка Тополиный (Тирэхтээх). Сама «обстановка, окрашенный в серые тона пейзаж» («Үөһэ бороҥ халлаан, кытылы кыйа күһүҥҥү ардах нүһэр ыйааһынын уйбатахтыы ньахчайбыт инчэҕэй бороҥ дьиэлэр, бэл теплоходу көрсө киирэн турар аҕыйах дьон бороҥ таҥастаах, бороҥ сирэйдээх-харахтаах курдуктара») настраивали на минорный лад [3, с. 5]. Разочарование постигло Ольгу Васильевну и в школе: дети не приняли молодую учительницу. Проведение уроков превратилось для нее в муку, и в сердцах она даже стала ненавидеть свой предмет.

В эту печальную пору в ее жизни появился Митя. Успевший отслужить в армии и получить специальность механизатора, он был видным парнем и составил достойную пару для Ольги. В тихой деревне ее жизнь была небогата событиями – замужество, рождение детей, сына и дочери, редкие праздники. Потом случилась трагедия: ранней весной, после ледохода, когда Митя переплывал реку Добун, его моторная лодка наткнулась на льдину и перевернулась. К трагической смерти мужа косвенно оказалась причастной Ольга, именно она попросила его съездить в улусный центр по каким-то делам. Свекровь, которая и раньше особо не жаловала невестку, прямо обвинила ее в гибели сына. Общественное мнение в деревне жалело не столько Ольгу, сколько старую Феклу, мать Мити. Поэтому через некоторое время, когда стало известно, что она с детьми собирается уехать, оставив свекровь одну, ей предложили освободившуюся должность библиотекаря. Ольга вынужденно согласилась, к тому же работа ей понравилась.

В клубе, где находилась библиотека, в роли художника подвизался молодой человек по имени Бэртол. Слово за слово, они познакомились, постепенно прониклись симпатией друг к другу. Тем временем Ольга договорилась со свекровью продать живность, дом

и по совету подруги, ставшей челночницей, решила все же переехать в улусный центр и заняться мелким бизнесом. Но опыт оказался неудачным, зато она с помощью знакомых устроилась на работу в улусную администрацию. Бэртол тоже попытался встать на ноги, но его подставили мнимые друзья, и в результате он угодил в тюрьму.

Ольга неплохо зарекомендовала себя на новой работе, а когда в улус прибыла делегация из Канады, с блеском выступила в роли переводчицы с французского языка, сумела понравиться не только главе улуса, но и самому министру. Она получила повышение на службе, переехала в новую квартиру, расплатилась за кредит. Бэртол же вышел на свободу совершенно другим человеком, не хотел работать, и в конце концов Ольга выгнала его.

Сама она после избрания нового главы улуса вернулась в школу, самостоятельно начала учить английский язык. Ее ученики стали участвовать в олимпиадах, занимать призовые места в конкурсах. Таким образом, Ольга, в отличие от Бэртола, сумела выйти «на дорогу» и занять достойное место в жизни.

В повести «Голубой подснежник» особое место занимают лирические отступления, которые, на первый взгляд, непосредственно не связаны с ходом событий в произведении. Но тем не менее некоторые из них способствуют более глубокому раскрытию героев. В частности, авторское отступление в начале повести о «размеренной деревенской жизни» («олох олус бытааннык, сыарҕалаах оҕус сыннарар айаныыы нэстик соһуллар») и сердце как «единственном приюте печали и скорби» («кутурҕан куотар, санаарҕабыл саһар соҕотох сирэ – сүрэх эрэ») раскрывает состояние Ольги после гибели мужа [3, с. 3]. Другое лирическое отступление о наступлении весны («саас... ким баҕарар олоҕун уларыта сатыыр, көнүл чэбдик салгынын сүрэхтэргэ күөртүү сатыыр курдук») свидетельствует о пробуждении героини к новой жизни [3, с. 26].

Наконец, в еще одном отступлении Сайа непосредственно выражает свое отношение к коренным изменениям, которые произошли в стране в 90 - е годы прошлого столетия. Автор двояко оценивает «развал великой страны» («улахан дойду урусхалланна»): «Ол эрээри олох үрүлүйэр үрдүн уонна амырыын аннын икки ардылара аттар-атан, көрдөрөн туран олус үтүөҕэ уонна олус ынырыкка арахсан барда» [3, с. 38-39]. С одной стороны, смутное время принесло «благо» («олус үтүөнү») для родного народа: «Саха аан дойдуну арыйда, көхсүтэ көннө, саҥата дорҕооннонно, күннээх былааҕын күөрэччи көтөхтө. Халлааммыт алмаас кустуктанна, саҕахпыт көмүс дуйданна» [3, с. 38-39]. Но, с другой стороны, развал произошел в душах, «желтый дьявол» затмил умы: «Аны бастыҥнарбыт «көҥүл» диэн-диэн баран күөнтэһэн турдулар, «сомоҕолоһуу» диэн-диэн баран сууһарсар идэлэннилэр, «кэскил» диэн-диэн баран кэнэйдэһэр буоллулар, «саргы» диэн-диэн баран сааттарын умуннулар...» [3, с. 39]. Эти мысли автора расширяют проблематику повести и привносят в нее эпическое начало. Через сложную судьбу своей героини, ее тревоги и переживания, не прямо, буквально, а косвенно, опосредствованно Сайа раскрывает реальные проблемы и противоречия жизни.

Разложение нравственных устоев времени («дьадайда олох эрэ буолбатах, дьадайда майгы, сиэр, киһи киһиэхэ амарах санаата») [3]. Сайа демонстрирует на примере противопоставления нескольких пар персонажей: Марина – Ольга, Лена – Ольга, Федора Саввична – Ольга, Силлэ – Бэртол.

Общественные нравы в крайне иронической интерпретации воспроизведены в картине выборной кампании: «Түүннэри күннэри тэрилтэттэн тэрилтэҕэ, нэһилиэктэн нэһилиэккэ, ыалтан ыалга хорохооттор субустулар, «көҕүлүүр бөлөхтөр» көлөһүн тохто көтүөккэлэстилэр. Оҕо – аҕатыгар, доҕор – доҕоругар утары турда, аймах аймахтыын алтыспат, ыал ыаллыын сылдьыспат алдьатыылаах быһыы-майгы саха алаастарынан сатыылаата» [3, с. 101].

В повести «Голубой подснежник» проявилось мастерство Сайа и в создании художественных образов. В изображении главной героини автор использует как традиционные средства, так и новаторские принципы. Так, с самого начала состояние

Ольги передается посредством такой портретной детали, как глаза. В студенческие годы ее «сияющие черные глаза» («чоҕулуҥнас хара харахтара») [3, с. 4], казалось бы, никого не замечали и были устремлены куда-то вдаль, в несказанно прекрасный мир, созданный ее воображением. Потом, когда она работала в улусной администрации и удостоилась несколько фамильярной похвалы от главы района, «от неожиданности ее черные как уголь глаза сверкнули, подобно звезде на небе» («... соһуйан хара чох харахтара сулус курдук күлүм гына уоттанан кэлбиттэрэ») [3, с. 73]. Наконец, когда Бэртол начал обвинять Ольгу в неверности, она «продолжила сверлить его глазами, которые стали еще чернее и строже»: «Дьахтар эр киһини тобулу көрбүтүн кубулуппата. Арай харахтара өссө хараарбыкка, өссө кытааппыкка дылы буоллулар» [3, с. 97].

Портретистика, как художественный принцип, использована Сайа и при создании образов Бэртола, старой Феклы, директора клуба Лены, главы улуса Юрия Александровича, «нового якута» Николая Слепцова – Силлэ. При этом их портреты носят не нейтральный характер, а свидетельствуют об определенной авторской позиции. Если изображение внешнего облика старушки Феклы, Юрия Павлова, да и Бэртола выдает приязненное отношение к ним со стороны автора, то описание портрета и манеры Силлэ носит откровенно иронический характер.

Что касается фигуры главной героини, то в создании ее образа существенную функцию выполняют фитоморфы – феномены растительного мира, имеющие устойчивое символическое значение. В начале повести, когда в жизни Ольги наступила темная полоса, ее сопровождает образ «березы, задавленной снегом» («хаарга баттаппыт хатыҥ мас», накренившейся («иэҕэйбит хатыҥ»), искривленной («өҕүллэ үүммүт хатыҥ мас») [3, с. 3, 4, 7]. В дальнейшем, когда ее жизнь начала налаживаться, все чаще образ Ольги стал ассоциироваться со спелой земляникой («... сир бары сүмэтин, күн бары угутун иҥэриммиккэ дылы этиэхтэн минньигэс буола буһан торолуйбут дьэдьэни санатар курдук») [3, с. 70] и голубым подснежником («күөх ньургуһун») [3, с. 84, 125], имеющим поэтический статус вестника весны и пробуждения природы. В этом плане само название повести приобретает особый смысл стойкости, силы духа, любви к жизни якутской женщины.

В художественный арсенал автора повести входят также такие приемы и средства изобразительности, как художественная деталь, образная анималистика, мифологические и литературные реминисценции, внутренний монолог.

Особенностью творческого метода Сайа является опора на реальные, достоверные события и факты. Не случайно ее малая проза основана на собственных детских впечатлениях. Реальную основу имеет рассказ «Оладья», снабженный подзаголовком «жизненная история» («олоххо буолбуттан кэпсээн»). С потрясающим трагическим пафосом воспроизведена атмосфера в тылу во время войны на примере гибели одной якутской семьи. Отец семейства находился на фронте, больная мать с семилетним сыном жестоко страдали от голода и холода. Когда закончилась мука, из которой варили жиденькую кашу, несколько дней продержались на пустом бульоне из старых костей. Потом пытались жевать кусочки горелой кожи, содранной с двери. Последняя надежда была на живших за озером соседей, у которых отелилась корова. Мальчик Петруша по глубокому снегу побрел к ним. У соседей было полно народа, бабушка напекла оладий с молозивом: взрослым полагалось по две оладьи, детям – по одной. Петруше тоже выделили одну оладью. Зажав ее в ладошке, он побежал домой, но от слабости и голода не смог преодолеть скользкий пригорок. В предсмертном бреду ему привиделось, как он бежит к матери с оладьей в руке. На другое утро его обнаружила девушка, разносившая почту. Она должна была вручить уже бездыханной матери похоронное письмо о гибели мужа. Рассказ сопровождается взволнованной авторской рефлексией: «Оо, сир ийэ барахсан! Эн оччугуй да оллургун кыайан туораабакка, икки атах бүдүрүйэр эбээт... Тоҕо бу алаадьылаах илиитин иннин диэки уунан үнүөхтүү сытар уолчааҥҥа көппөх гынан

көмөлөспөккүн, аһыныгас санаанан аллан, көмүскэс санаанан түллэн күүһүгэр күүс, сэниэтигэр сэниэ эппэккин?..» [5, с. 132].

Повесть Сайа «Уйгур» тоже написана по следам реальных событий, связанных с войной («дьиҥ олохтон сэһэн»). Она имеет более сложную жанрово-композиционную структуру, чем «Голубой подснежник». По жанровой форме это лиро-эпическое произведение, представляющее собой исповедь главного героя с обрамляющим авторским комментарием. С точки зрения композиции, это своеобразный рассказ в рассказе, в котором выдержан принцип китайского шара или русской матрешки. Как и в повести Бальзака «Гобсек», автор представляет Уйгура, тот рассказывает свою историю и попутно повествует о судьбах других героев.

Поэтика, на первый взгляд, нейтрального заглавия повести коррелируется с ее моноцентрической композицией, а именно с единичностью объекта изображения, сосредоточенностью повествования на фигуре одного героя. В то же время контекст произведения предельно широкий. В повести нашли отражение события первых лет Советской власти в Якутии, время репрессий и Великой Отечественной войны, период новейшей истории России. В результате пронзительная история о судьбе одного незаурядного героя, имеющего реального прототипа, вырастает до уровня судьбы поколения, даже целого народа в сложный период его истории.

Следствием развала СССР явилась переоценка многих, казалось бы, устоявшихся в сознании людей событий, понятий, роли отдельных личностей. Стали публиковаться ранее находившиеся в спецхране документы, открываться новые сведения и факты. Бывшие «белые» повстанцы, «буржуазные националисты» оказались настоящими патриотами, борцами за свободу народа.

В начале повести создан обобщенный портрет поколения, не «потерянного», как его назвали в зарубежной литературе, а достойно выполнившего свой священный долг, нашедшего свое место в послевоенной жизни. В обрамляющей новелле автор поведала о том, как ее внимание с самого детства привлек человек по имени Уйгур Иван, так непохожий на «дезертира», хотя все называли его именно так. Молва утверждала, что дезертиром он стал из-за жены, которая потом вышла замуж за другого человека. В другой раз она услышала, что у них была хорошенькая дочь («... кэрэчээн бэйэлээх... үкчү тугут оҕотун курдук хараччы көрөрө») [5, с. 10], рано умершая. Еще она краем уха слышала страшные истории о том, как во время войны умирающих от голода людей собирали в один амбар, как женщина, родившая близнецов, чтобы спасти хотя бы одного из них, вынуждена была вскармливать только его, а второй умирал от голода.

Впоследствии, будучи студенткой Хабаровского института культуры, собирая материал для курсовой работы о старинных якутских играх, Сайа обратилась к Уйгуру. Тот сначала отнекивался, но потом не только рассказал, но и наглядно показал некоторые из них. Уже став молодой писательницей, она специально приехала к нему, чтобы расспросить о его сложной судьбе. Уйгур согласился рассказать о своей «неординарной жизни» («дьиктилээх олох») с условием, что это не будет историей «плохого человека», и добавил: «На самом деле я не такой уж плохой человек...» («Дьиҥэ, мин оннук куһаҕан киһи буолбатахпын...») [5, с. 15]. Когда Сайа прямо спросила, из-за чего он стал «дезертиром», Уйгур лаконично ответил: «Тапталтан...» («Из-за любви...») [5, с. 15].

Его взволнованную исповедь о «неудавшейся жизни» («очурдаах олох») автор сравнила с «бурным потоком воды, прорвавшей плотину». Правда, Уйгур начал свой рассказ издалека: со своей малой родины Мэлэкэ, родителей, школьных годах, первом робком чувстве к Иэйе, с которой учились в одном классе, хотя она была младше его. С ранних лет он посещал народные праздники – ысыахи, слушал запевал осуохая, постепенно начал участвовать в спортивных соревнованиях. После пятого класса прервал учебу и стал работать в колхозе. Иэйя после окончания школы сначала работала

пионервожатой, потом ее избрали секретарем наслежного Совета. Они были неразлучны, вскоре поженились и уже ждали ребенка, когда началась война.

Вскоре Иван получил повестку и с первым призывом должен был отправиться на фронт, но Иэйя категорически заявила, что не отпустит его. Он пытался успокоить ее, говорил, что война скоро закончится, – все было тщетно. Ему удалось только договориться, что она проводит его до улусного центра. Там мобилизованные собрались в школьном спортзале, прошли медосмотр и стали готовиться к отправке. Иэйя несколько раз пыталась поговорить с ним, но провожающих не пускали. Ей все же удалось передать записку, в которой велела ему во время ночной переправы через Вилюй, пользуясь суматохой, скрыться в лесу, где она будет ждать его вместе с конем. Когда они встретились в лесу, Иван попытался внушить ей всю пагубность затеи. Тогда Иэйя напомнила легенду о том, как Манчаары умыкнул Күөх Кэтириис, и пригрозила, что если он не уедет с ней, то она сейчас же при всех бросится в реку и утонет. Только тогда, отдавая себе отчет в том, что совершает ужасную ошибку, лишь бы успокоить любимую, он решился бежать: «Чэ, буоллун... кэннэ кэтинчэ да буоллун!.. Синэ биир... ханна да, хаһан да өлбүт синэ биир!» [5, с. 52].

Иван с Иэйей некоторое время скитались в тайге, но потом их арестовали, она снова предложила ему бежать. Потом он сдался властям, был приговорен к каторжным работам на золотых приисках в Алдане. Когда срок осуждения заканчивался, до него дошли слухи, что Иэйя вышла замуж. Это известие повергло Уйгура в отчаяние, жизнь потеряла для него всякий смысл. Но все же с помощью добрых людей он снова пришел в себя, даже обзавелся семьей. Тут его охватила непреодолимая тоска по родным пенатам. Случайная встреча с братом Митей только усилила его тягу к родине. Он купил подарки для родных, для Иэйи – крепдешиновую ткань с желтым цветочным рисунком. Вернувшись в родные места, после некоторых колебаний Иван решил встретиться с Иэйей. Для храбрости приняв на грудь, он отправился на ферму, где она работала. Увидев ее мужа, Уйгур заявил: «Я пришел за своей законной женой». Тот спокойно сказал: «Вот она стоит. Забирай». Ошеломленная Иэйя закричала: «Ты ко мне не приходи!.. Я тоже долго терпела... Прочь с моих глаз!» [5, с. 89-90].

Как ни странно, Уйгур испытал какое-то облегчение, на мгновение ощутил, что у него развязаны руки, что он «сбросил наконец со своих плеч тяжелую суму с камнями» («Таастаах бэрэмэдэй курдук тапталгын моонньубар ыйаан кэбиспиккин бүгүн ылан устан быраҕыам ээ!») [5, с. 91]. Он снова попытался наладить жизнь, даже, как в молодые годы, принял участие в ысыахе, но чувство к Иэйе не оставляло его. Состояние Уйгура усугубило запоздалое признание Огдуус, другой подруги детства, безответно любившей его. Она передала ему прощальное письмо Иэйи, в котором она просила прощения, благодарила его и сообщала, что заболела неизлечимой болезнью.

Закончив свой рассказ, Уйгур попросил автора достать из чемодана небольшой сверток и передал ей со словами: «Эта вещь не дошла до адресата, поэтому предназначена тебе». Развернув дома сверток, Сайа обнаружила шелковую ткань с ярким рисунком в виде цветов пиона («...уоһах араҕас пион сибэкки ойуулаах крепдешин таҥас халыс гына түспүтэ») [5, с. 123].

Уйгур и Иэйя, эти якутские Тристан и Изольда, были похоронены на противоположных берегах их родной реки Вилюй: «Дьиҥнээх таптал улуу иэйиитин сүрэхтэригэр илдьэ иинэммит икки киһи өрүс уҥуор-маҥаар хараллан сыталлар. Кинилэр икки ардыларынан олох курдук тохтообокко, Бүлүү өрүһэ устар ...» [5, с. 123].

Как и в «Голубом подснежнике», в этой повести Сайа продемонстрировала замечательное мастерство как художника слова. Особенно это проявилось в искусстве создания образов. Главные герои снабжены не социальной, а личностной характеристикой: Уйгур предстает как искусный мастер, певец, спортсмен и охотник («Миигин айылҕа киһи аайы бэрсибэт дьоҕурдарынан үгүстүк хадаҕалаан: уус тарбахтаан, түргэн атахтаан, күөгү күөмэйдээн айбыт эбээт...») [5, с. 121]; Иэйя выступает, прежде всего, как преданная,

любящая женщина. В их облике и поведении отчетливо проступают национальные черты. Уйгур с юных лет стал завсегдатаем народных праздников – ысыах, его кумирами были олонхосуты, запевалы осуохая, сказочники. Иэйя тоже хорошо знала народные традиции, обычаи, носила якутское традиционное одеяние, любила украшения в национальном стиле. Однажды она настояла, чтобы Иван произнес старинную якутскую клятву любви и верности.

В повести «Уйгур» автор снова использовала свой излюбленный характерологический прием – портретную деталь, а именно глаза персонажа. Имени главной героини «Иэйи» очень подходили ее «широко распахнутые, сияющие глаза» («сандаарыччы көрөн ылар киэҥ харахтаах») [5, с. 21]. Угрызения совести, терзавшие осужденного Уйгура, слегка смягчали лишь мысли об Иэйе, «во все глаза смотревшей на него» («Кэмсинии кэп-дьэбэр санаатын Иэйэ эрэ... муҥунан көрбүт хараҕа сырдатан ааһарга дылыта») [5, с. 72]. Потом, при новой встрече на ысыахе, Уйгуру показалось, что «пара блестящих глаз чутко следили за ним...» («... икки сандаархай харах миигин сэргэхтик чуҥнуу, көрө-истэ кэтээтэ») [5, с. 111].

Сам Уйгур, когда рассказывал о своей бурной жизни, преображался, как будто молодел, и на его лице выделялись «пронизывающие, искрящиеся черные глаза» («уоттаах хара харахтаах»). Но при последней встрече с ним Сайа обратила внимание, что «искорки в его ясных черных глазах потухли» («оҕонньор эрилкэй хара харахтарын уота өспүт этэ») [5, с. 14].

Характерологическую функцию выполняет в повести образная анималистика. Состояние Иэйи, когда Иван получил повестку, выдавали не только «неподвижно застывшие, расширившиеся глаза» («таастыйа кэҥээбит харахтарынан диэличчи көрөн кэбистэ») [5, с. 38], но и ее сравнение с волчицей, защищающей своего детеныша («кини бу түгэҥҥэ оҕотун көмүскээн адьырҕа аһыытыгар да киирэн биэрэрин кэрэйбэт ийэ кыыл курдук этэ») [5, с. 39].

Смятение Уйгура перед решающим выбором передается автором посредством уподобления с жеребцами, готовыми ринуться друг на друга («... харахпын уоттаабыт туругум, утарыта дьохсоотоһор атыыр сылгылар курдук») [5, с. 48]. Для изображения состояния героя Сайа использует и так называемую «птичью образность»: предвкушение Уйгуром долгожданной встречи с Иэйей выражается посредством «полета белоснежного стерха» («ыра санаам кылбаарар кыталыгын өссө да күөх халлааммар көтүтэрим», а его состояние после разлада с ней – посредством «падения черного стерха» («кыһыҥҥы сарсыарда хаардаах толоонугар хара кыталык буолан сууллубутун илэ көрбут курдук буолбутум») [5, с. 91].

В поэтике писательницы представлены также фитообразы: Иэйя ассоциируется то с «белоснежной березкой» («кылбаҕар хатыҥчаан») [5, с. 27], то с ярким, пышным цветком пиона («уоһах араҕас өҥнөөх сарыада сибэкки»), символом любви и счастья [5, с. 24, 27]; антропоморфизмы: «Ийэ айылҕа барахсан ситэн-хотон, ханнык халадаайын кэтэн ыһыахха барарын сыымайдыы олорор талымас дьахтар курдук» [5, с. 24]; художественные детали: полная тяжелых камней переметная сума («таастаах бэрэмэдэй»), легкая деревянная лодочка («оҥочо»), шелковая крепдешиновая ткань с цветочным рисунком; нарисованный на скале красной охрой человек («кыһыл соҕо кырааскан... ойууламмыт киһи») [5, с.19, 27, 81, 69].

Итак, художественная проза Н. В. Михалевой - Сайа представляет собой не просто самостоятельный раздел в ее собственном творчестве, но и заметное явление в современной якутской литературе. Ее рассказы и повести, наряду с произведениями Н. Габышева, А. Федорова, В. Гольдерова, В. Гаврильевой и некоторых других писателей, относятся к лирическому направлению в якутской эпической прозе.

Литература

1. Аврора. – 2016. – № 4.
2. Михалева Н. В. - Сайа. Бүгүн түүн: Хоһооннор, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 176 с.
3. Михалева Н. В. Күөх ньургуһун: сэһэн. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 126 с.
4. Михалева Н. В. Аата суох сибэкки: хоһооннор, ахтыылар, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 224 с.
5. Михалева Н. В. - Сайа. Уйгур: сэһэн, кэпсээн, эссе. – Дьокуускай: Айар, 2021. – 160 с.
6. Саха поэзиятын күөх ньургуһуна (Н. Михалева - Сайа поэзиятыгар бэлиэтээһиннэр). – Дьокуускай: Бичик, 2014 – 137 с.

References

1. Avrora. – 2016. – № 4.
2. Mihaleva N. V. - Saja. Bygyn tyyn: Hohoonnor, kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 176 s.
3. Mihaleva N. V. Kүөh n'urguhun: sehen. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 126 s.
4. Mihaleva N. V. Aata suoh sibekki: hohoonnor, ahtyylar, kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2009. – 224 s.
5. Mihaleva N. V. - Saja. Ujgur: sehen, kepseen, esse. – D'okuuskaj: Ajar, 2021. – 160 s.
6. Sakha poeziyatyn kүөh n'urguhuna (N. Mihaleva - Saja poeziyatygar belieteehinner). – D'okuuskaj: Bichik, 2014 – 137 c.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н,. профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44 @mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.162
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.69.11.002

К вопросу об идентификации авторства Мирзы Шафи Вазеха

С. И. Иманова
Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан
✉ sevinc10@rambler.ru

Аннотация. Судьба выдающегося азербайджанского поэта Мирзы Шафи Вазеха (1794-1852) типичная по тем временам для талантливого, свободомыслящего человека, получившего образование в медресе в Гяндже. Там же он провел большую часть своей жизни и прославился как поэт и педагог, организатор литературного меджлиса «Дивани-хикмет». Вместе с тем Мирза Шафи и грамотный переводчик (сохранились многие его переводы с русского, арабского и французского языков), автор учебников (ему принадлежат определенные заслуги в развитии азербайджанского языка). Насколько обычной была жизнь Мирзы Шафи, настолько необычна судьба его стихов. Псевдоним Вазех (арабск. Vazeh – открытый, ясный, выявленный) предопределил творческую судьбу «мистифицированного» поэта, завоевавшего мировую славу, благодаря «плагиату» немецкого ориенталиста Фридриха Боденштедта, приехавшего в 1844 г. в Тифлис. Он проявлял большой интерес к жизни Кавказа и с этой целью брал уроки у Мирзы Шафи. Опубликовав стихи в Германии под названием «Песни Мирзы Шафи», немецкий поэт неожиданно обретает популярность и, не устояв перед соблазном, выдает себя за автора этих стихов.
Ключевые слова: азербайджанский поэт, поэзия, Мирза Шафи Вазех, Кавказ, немецкий ориенталист, медресе, Европа.
Для цитирования: Иманова С. И. К вопросу об идентификации авторства Мирзы Шафи Вазеха. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 15–20. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.69.11.002.

On the issue of identifying Mirza Shafi Vazeh's authorship

S. I. Imanova
Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan
✉ sevinc10@rambler.ru

Abstract. The fate of the outstanding Azerbaijani poet Mirza Shafi Vazeh (1794-1852) was typical for a talented, free-thinking person of that epoch. Mirza Shafi Vazeh got education in a madrasah in Ganja. There, he spent most part of his life and became famous as a poet and teacher, organizer of the literary Majlis "Divani-Hikmet". At the same time, Mirza Shafi was also a competent translator (many of his translations from the Russian, Arabian and French languages have been preserved) and the author of the textbooks (he has certain merits in the development of the Azerbaijani language). As ordinary was the life of Mirza Shafi, as unusual became the fate of his verses. The pseudonym Vazeh (in Arabian "Vazeh" means open, clear, revealed) predetermined the creative fate of the "mystified" poet, who won world fame, thanks to the "plagiarism" of the German orientalist Friedrich Bodenshtedt, who came to Tiflis in 1844. Friedrich Bodenshtedt showed great interest in the life of Caucasus and for this purpose took lessons from Mirza Shafi. Having published in Germany Vazeh's verses under the name "The Songs of Mirza Shafi", the German poet suddenly gained popularity and, not having settled down in front of temptation, represented himself to be the author of these verses.
Keywords: Azerbaijani poet, poetry, Mirza Shafi Vazeh, Caucasus, German orientalist, madrasah, Europe.
For citation: Imanova S. I. On the issue of identifying Mirza Shafi Vazeh's authorship. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 15–20. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.69.11.002.

Введение

Поэты – посланники Небес, и недаром их судьба уподобляется судьбе пророков. Проходит немало времени, прежде чем наступает их признание. И как ни странно – таков закон жизни, закон эволюции. Испокон веков наблюдается трагическая и горькая участь всех избранных, сознание которых намного опережает современное им бытие. Сущность поэзии – в многообразии форм проявления чувств человека, в том числе выявлении скрытой красоты и музыки мира. Поэзия вызывает чувство катарсиса, заставляет человека задумываться над аналогиями, сравнениями, над смыслом жизни. Поэтические произведения веками влияют на души людей, порою изменяя их судьбы. К такого рода наследию относится творчество Мирза Шафи, который внес неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

В подготовке статьи привлечены избранные труды Мирза Шафи Вазеха, использованы научные статьи по данной теме и архивные источники. На протяжении многих лет литературоведы Азербайджана (С. Мумтаз, А. А. Сеидзаде, Амин Абид, М. Рафили и др.), России (И. Ениколопов, А. Маковельский и др.), Германии (А. Берже, Г. Розен и др.) проявляли интерес к наследию поэта. Профессор Акиф Байрамов всю свою научную деятельность по изучению и изданию произведений Мирзы Шафи, посвятил раскрытию правды о поэте: «результатом многолетних исследований стали объективная оценка переводческой деятельности Ф. Боденштедта и его роли в популяризации наследия Мирзы Шафи в Европе, а также научные доказательства совершенного Боденштедтом плагиата» [2, с. 5]. Примечательны не только научно-публицистические исследования ученого, но и монографии – «Из нашего классического наследия» (1975), «Литературное наследие Мирзы Шафи Вазеха» (1980), «Литературное наследие поэта-песенника М. Ш. Вазеха» (2008).

Основные этапы творчества Мирза Шафи Вазеха

16 ноября 1852 г. покинул этот бренный мир Мирза Шафи Садык оглу (Вазех) – одаренная личность, о которой говорят «сам страдал, чем причинял страданье» и о ком невозможно говорить без нотки сожаления. Что касается даты и года рождения поэта, то в этом мнения литературоведов и ученых расходятся. Скажем, родился на рубеже XVIII-XIX вв. в Гяндже в семье зодчего при дворце Джавад хана. Учебу начал по настоянию отца в медресе, неприязненное отношение к которой выражено в следующих строках:

В укромном месте, где бывать грешно,
Муллу мне встретить было суждено.

– Мирза Шафи, – узнал меня святоша, –
– Тебя в мечети не видать давно!

– Не то что там муллу мне видеть тошно,
Но даже здесь, где можно пить вино [1, с. 117].

Мирза Шафи сознает извечность добра и зла, истины и лжи, добродетели и порока, но, тем не менее, призывает к снисходительности:

– Тебя опять обманывают, брат! –
Участливо мне люди говорят.

– Что делать, люди, – я им отвечаю, –
Пока на свете фальшь и ложь царят,

Чем самому обманывать кого-то,
Не лучше ль быть обманутым стократ? [1, с. 31].

Необходимо отметить неоспоримый факт воздействия на общественность Запада, присвоенного немецким переводчиком Фридрихом Боденштедтом знаменитых «Песен Мирза Шафи», в которых поэт, «мудрец из Гянджи» «осмеивает строгости мусульманского закона, запрещающего пить вино… и лицемерный аскетизм суфиев» [5]. О Хафизе, солнце суфийской поэзии, Мирза Шафи пишет следующие строки:

Учитель мой – Хафиз,
Мой храм – питейный дом.
<…>
Аллах, благослови,
Позволь направить нам
Свои сердца к любви,
А ноги к кабакам… [1, с. 172-173].
(Пер. Наума Гребнева)

В результате напряженной работы азербайджанских ученых, выявивших искажения и добавления Боденштедтом (с целью сокрытия подлинного авторства) к стихам Мирзы Шафи, удалось разоблачить немецкого поэта. Парадоксально, что судьбу наследия поэта можно извлечь из его же творений:

<…> Удача мне сопутствует не сплошь,
Но верю я, что никакую ложь
Чужим красивым словом не прикроешь,
Плохую песню рифмой не спасешь [1, с. 206].

Проблема авторства Мирза Шафи Вазеха была затронута еще в начале XX в. в исследованиях Фирудина Кочарли «Литература азербайджанских татар» (1903) и «Мирза Фатали Ахундов» (1911), что и привлекло внимание последующих литературоведов и ученых. В изучении наследия поэта и возвращения его имени в азербайджанскую литературу велика заслуга С. М. Аскерова (судьба самого Аскерова еще более трагична). Но репрессия и арест, во время которого была конфискована библиотека из собранных с большим трудом ценных рукописей Салмана Мумтаза, о дальнейшей судьбе которых ничего неизвестно, нанесли непоправимый удар по литературоведению Азербайджана.

Убийство Ф. Кочарли, С. Мумтаза и многих других деятелей науки и культуры стали препятствием на пути внесения ясности во многие запутанные (часто преднамеренно) вопросы из жизни и творчества писателей и поэтов Азербайджана.

После Салмана Мумтаза, литературовед и библиограф Али Аждар Сеидзаде сделал существенный шаг вперед в исследовании жизни и творчества Мирза Шафи Вазеха. В 1929 г. увидела свет книга Сеидзаде «Великий поэт-просветитель Гянджи М. Шафи» и др. В своей последней монографии «Мирза Шафи Садык оглы Вазех» (1969) Сеидзаде, подводя итоги многолетнего труда, отмечает, что «едва ли может показаться кому-нибудь излишним все то, что делается нашим азербайджанским литературоведением для защиты поэтического имени нашего автора от нападок Фр. Боденштедта», «откровенного реакционера и “филистера в восточном халате”» [5, с. 323].

В свою очередь, профессор М. Г. Рафили отмечал, что «Боденштедт, пространно, скучно и не совсем удачно пытаясь проанализировать суфийскую поэзию и философию Востока, связывал ее полностью с Мирза Шафи и делал такой вывод: “Мирза Шафи был суфистом, т. е. человеком, стремящимся к истине и самообогащению, для которого ближайшей целью мудрости было: жить в полной гармонии с богом, людьми и самим собой” [4]. В другом месте автор еще раз повторяет свое основное положение в “новой” характеристике поэта: “Мирза Шафи находился в полном согласии с учением суфизма”»

[4]. Рафили проводит параллель «между “вагантами” Запада и песнями Мирза Шафи. Эта параллель наиболее ощутима в песнях Мирза Шафи о любви, природе, вине и т. д. Но “ваганты” выражали в своих пародиях и “застольных песнях” оппозиционные настроения деклассированных слоев духовенства, отпавших от церкви, но не примкнувших к широким революционным народным массам» [4].

Сотрудничество с немецкими востоковедами позволило положить конец проблеме Фридриха Боденштедта. Таким образом, немецкие ученые, приехав в Азербайджан и ознакомившись стилем письма Вазеха, подтвердили принадлежность «Песен…» Мирзе Шафи.

На все это у поэта есть свой ответ:
Над миром глупость властвует, и это
Для всех столетий общая примета.

С ней не воюет ни один закон,
Хоть в рубище, хоть в шелк она одета.

Но в мир, где правит глупость, как судью,
Бог посылает иногда поэта.

Не только для того, чтобы он пел,
Как птица на ветвях в разгаре лета,

Но чтобы в царстве глупости и тьмы
Он был носителем ума и света [1, с. 54].

Мирза Шафи был очень талантливым, скромным, доверчивым, бескорыстным человеком, и в то же время, совсем неприспособленным к повседневной жизни с ее заботами и суетностью. Нужда постоянно преследовала поэта, что и послужило переезду его в Тифлис. М. Ф. Ахундов уступает ему место преподавателя в уездном училище. О Тифлисе, где поэт на некоторое время отдалился от «святош» и мулл Гянджи и где он познакомился с будущим учеником своим Фр. Боденштедтом, читаем:

И наш Тифлис напоминает сад,
Здесь винный дух, цветочный аромат,
Спокон веков прекрасный этот город
Поэтами и песнями богат [1, с. 222-223].

Из заметок того же Боденштедта мы узнаем, что Мирза Шафи был терпеливым, не любил болтовни, был краток и точен. О мудрости и не многословии поэта свидетельствует приведенное ниже стихотворение:

Поговорить собрались знатоки,
Весь день не унимались языки.
Средь мудрецов, согласно повеленью,
Сидел и я, желанью вопреки.
Но вот сказали мне: «Свое сужденье
О том, что ты услышал, изреки!»
Сказал я: «Слышу мельницы движенье,
Шум вала и течения реки,
Мне видно жерновов круговращенье,
Одно обидно: не видать муки!» [1, с. 116].

В своих произведениях Мирза Шафи придерживается истины всегда и во всем, а поэзию считает одной из главных в воспитании человека. В центре поэзии Вазеха стоит человек с его переживаниями и радостями, счастьем и несчастьем, любовью и ненавистью. «Счастье не за горами. Стоит лишь узреть, заслужить его! Поэтому нужно открывать глаза людям. И только тогда, когда народ познает свое несчастье – встанет на борьбу за него», – говорил Мирза Шафи. А это под силу просвещенному народу (профессор Ф. Гараоглу). Это, в свою очередь, возможно при умном правителе:

Случайно как-то повстречав меня,
Спросил ученый каллиграф меня:

– Мирза Шафи почтенный, дай ответ,
Умен ли наш правитель или нет?

– По-моему, – ответил я ему, –
Ум шаха нашего под стать уму
И хитрости людей святого званья.
Носящих белоснежную чалму.

Способные понять, как глуп и слеп
Народ, что потом добывает хлеб,
Они нас держат под своей пятою –
Правители, вершители судеб [1, с. 118].

Мудрый Мирза Шафи понимает быстротечность человеческой жизни и стремится к тому, чтобы люди ценили друг друга, с уважением относились к окружающим. Вот в чем состоит смысл жизни:

Ушедший хоть и не был всех дороже,
Мы заменить никем его не можем.

Тот, кто неповторим, незаменим,
А в мире нет людей во всем похожих.

Пусть не был он особенно любим,
Пусть жизнь свою он незаметно прожил,
Но мы еще поймем, расставшись с ним,
Как без него пустынно в мире божьем! [1, с. 84].

Для Вазеха-мужчины женщина – одно из прекрасных творений Аллаха, достойная обожествления:

<…> Я сладкую молитву повторяю
У ног любимой женщины моей.

Не надо мне, аллах, иного рая,
Мой рай земной небесного светлей [1, с. 187].

Но в то же время Вазех-мудрец предупреждает:

Изрек один мудрец, седой старик:
– Три правила на свете я постиг.

Во-первых, не рассчитывай на дружбу
Людей богатых и земных владык,

Во всем, что дел касается серьезных,
Не доверяйся женам ни на миг.

И полагая, что берешь для пробы,
Себе не капай яда на язык [1, с. 70].

Заключение. Мирза Шафи Садык оглу Вазех вошел в историю мировой литературы не только как известный поэт и мыслитель, педагог, но и внес неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Лирические произведения Вазеха не ограничились традициями современной ему эпохи и достигли наивысшего развития во всей Европе. «Уникальные по форме и содержанию стихи выдающегося мастера азербайджанской и восточной поэзии в целом, занимающие достойное место в мировой литературе, думается, всегда будут радовать ценителей истинной поэзии и станут предметом более широкого и пристального изучения» [6].

Издание монументальной монографии профессора Акифа Байрамова как на азербайджанском, так и на русском языках расширило границы читательской аудитории в области популяризации творчества одного из выдающихся представителей азербайджанской литературы Мирзы Шафи Вазеха.

Литература

1. Вазех М. Ш. Избранная лирика. – Баку: Язычы, 1986. – 234 с.
2. Гусейнова Т. Мирза-Шафи! Твоих стихов струится аромат – ... // Эхо. – 2015, 7 октября.
3. Мустафаев Ф. Я к свету шел… Повесть о Мирзе Шафи Вазехе. – Баку: Гянджлик, 1972. – 196 с.
4. Рафили М. Г. Мирза Шафи в мировой литературе: к вопросу о литературном наследии Мирза Шафи и плагиате Фридриха Боденштедта. – Баку: Азернешр, 1958. – 118 с.
5. Сеидзаде А. А. Мирза Шафи Садык оглы Вазех. – Баку: Азербайджанское государственное изд-во, 1969. – 323 с.
6. Фейзуллаева А. Мудрец из Гянджи. // Каспий. – 2014, 17 мая.
7. Bayramov A.Ə. Nəğmələr Mirzə Şəfi Vazehin ədəbi irsi. – Baku: Nurlan, 2008. – 158 s.
8. Dilqəm Əhməd. Fərqlilər. – Baku: TEAS Press, 2018. – 216 s.

References

1. Vazeh M. Sh. Izbrannaja lirika. – Baku: Jazychy, 1986. – 234 s.
2. Gusejnova T. Mirza-Shafi! Tvoih stihov ctruitsja aromat – ... // Jeho. – 2015, 7 oktjabrja.
3. Mustafaev F. Ja k svetu shjol… Povest' o Mirze Shafi Vazehe. – Baku: Gjandzhlik, 1972. – 196 s.
4. Rafili M. G. Mirza Shafi v mirovoj literature: k voprosu o literaturnom nasledii Mirza Shafi i plagiate Fridriha Bodenshtedta. – Baku: Azerneshr, 1958. – 118 s.
5. Seidzade A. A. Mirza Shafi Sadyk ogly Vazeh. – Baku: Azerbajdzhanskoe gosudarstvennoe izd-vo, 1969. – 323 s.
6. Fejzullaeva A. Mudrec iz Gjandzhi. // Kaspij. – 2014, 17 maja. – s.19
7. Bayramov A. Ə. Nəğmələr Mirzə Şəfi Vazehin ədəbi irsi. – Baku: Nurlan, 2008. – 158 s.
8. Dilqəm Əhməd. Fərqlilər. – Baku: TEAS Press, 2018. – 216 s.

ИМАНОВА Севиндж Ингилаб гызы – к. филол. н., ведущий специалист отдела «Азербайджановедения и славистики» научно-исследовательской лаборатории Бакинского славянского университета.

E-mail: sevinc10@rambler.ru

IMANOVA Sevinj Ingilab – Candidate of Philological Sceinces, Leading Specialist, Department of Azerbaijan Studies and Slavic Studies, Research Laboratory of the Baku Slavic University.

УДК 82-1
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.36.59.003

Творчество Н. В. Михалевой - Сайа: разновидность тем и особенности лирического субъекта

О. К. Павлова ✉, ***К. В. Лукина***
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия
✉ olga-ksento@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена творчеству народного писателя Якутии Н. В. Михалевой-Сайа. Цель статьи заключается в анализе разновидностей тем и особенностей лирического субъекта ее поэзии. Сайа в своих стихах затрагивает разнообразные темы: патриотизм, любовь к родине, природа, счастливая любовь, ожидание любви и др. Стихотворения отражают настоящую жизнь: чувство, испытываемое человеком от любви, счастья, переживания разлуки, привязанность к родным местам, красоту природы и др. Кроме этого, в стихотворениях поэтессы мы находим концепты: свободы, творчества, любви к родине и др.

Ключевые слова: якутская поэзия, народные писатели Якутии, якутские поэты, творчество Н. В. Михалевой – Сайа, особенности поэтики, лирический герой, разновидность тем, гражданская лирика, стихотворения-посвящения, любовная лирика.
Для цитирования: Павлова О. К., Лукина К. В. Творчество Н. В. Михалевой - Сайа: разновидность тем и особенности лирического субъекта. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 21–27. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.36.59.003.

Writing of Natalia Mikhaleva-Saya: a variety of themes and features of the lyrical subject

O. K. Pavlova ✉, ***K. V. Lukina***
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
✉ olga-ksento@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the works by the people's writer Natalia Mikhaleva-Saya. The purpose of the article is to study the poetry by Mikhaleva-Saya, in particular, the analysis of the varieties of themes and the features of the lyrical subject. In her poems, Saya touches on a variety of topics: patriotism, love for the motherland, nature, sincere happy love, expectation of love, etc. The poems by Mikhaleva - Saya show real life: happiness from love, separation, attachment to the motherland, beauty of nature, etc. In addition, in the poems of the poetess, we find the concepts of freedom, creativity, and love for the motherland.

Keywords: Yakut poetry, people's writers of Yakutia, Yakut poets, N. V. Mikhaleva - Saya, features of poetics, lyrical hero, variety of themes, civil lyrics, dedication poems, love lyrics.
For citation: Pavlova O. K., Lukina K. V. Writing of Natalia Mikhaleva-Saya: a variety of themes and features of the lyrical subject. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 21–27. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.36.59.003.

© Павлова О. К., Лукина К. В., 2023

Введение

Наталья Михалева - Сайа вошла в литературу в 1980-х гг. и сразу получила признание читателей. В 1994 г. книжное издательство «Ситим» выпустило первый сборник Н. В. Михалевой «Тыллыы» (“Цветение”) [7]. Литературовед В. Б. Окорокова изучила темы и поэтические тропы в творчестве поэтессы и включила статью в сборник «Этигэн сүрэх айманар тойуга» (“Песнь трепетного сердца”) [10]. Народный поэт Якутии Р. Багатайский отметил особенность поэтического слога Сайа и включил ее в плеяду «настоящих поэтов». Б. Н. Попов [13], доктор философских наук, назвал ее поэтом-философом. В 2019 г. В. Б. Окорокова опубликовала монографию «Саха поэзиятын Алгыстаах Айыы куота» (“Айыы куо якутской поэзии”) [12], которая целиком посвящена творчеству Н. В. Михалевой - Сайа. В работе исследуются творческий путь писателя, особенности стиля, стихосложения. Выявляется ее вклад в развитие якутской литературы как поэта-лирика, прозаика, публициста и переводчика. Работы о творчестве Натальи Михалевой можно найти в трудах Васильевой А. Н., Поповой М.П., Семеновой В.Г. и др. [1, 9, 11, 14, 15].

Разновидность тем

В современной якутской литературе преобладает роль гражданской лирики. Начиная с 1980-х гг. эта тенденция продолжилась и получила новое дыхание в творчестве поэтов старшего поколения П. Н. Тобурокова, С. И. Тарасова, М. Д. Ефимова, а также молодых поэтов О. Н. Корякиной-Умсуура, А. Г. Старостина-Сиэн Кынат, Н. В. Михалевой-Сайа. До этого гражданская лирика имела публицистический характер, это были плакатные стихотворения, призывающие к «правильному образу жизни». В позднем творчестве поэтов старшего поколения гражданская лирика раскрывает темы переживаний за будущее своего народа, судьбу Якутии в современном мире.

После публикации первого сборника «Тыллыы» (“Расцвет”) Н. В. Михалеву-Сайа можно оценивать как мудрого поэта с глубокими, зрелыми суждениями, болеющего за судьбу родного народа. Стихотворения на тему гражданственности, вошедшие в сборник, имеют глубокое философское содержание:

Сахам сирэ...	*Моя Якутия...*
Мин санаам	*Мои мысли*
Арахпат ыарыыта,	*Моя болезнь,*
Мин кутум	*Моя душа*
Ытык алаһата...	*Моя усадьба...*
Кэхтибэт кэскилиҥ	*Неугосаемое будущее*
Кэллэ диэн кэпсэннэ,	*Наступила говорят,*
Уостубат уйгуҥ	*Неиссекаемое твое изобилие*
Тосхойдо диэн туойулунна,	*воспевается говорят,*
Төннүбэт төлкөҥ	*Судьба твоя*
Түстэннэ диэн	*Сбылась...*
Түмүктэннэ... [7, с. 9-10].	*(здесь и далее перевод наш – ОК, КВ).*

Поэтесса сердцем болеет за будущее и судьбу якутского народа. Это ярко прослеживается в ее стихотворениях о реке Вилюй, где прошло ее детство. Автор переживает за судьбу реки Вилюй и своим поэтическим словом борется за ее будущее:

Мин иннибэр
Харах уута буолан
Харааста устар
Хаарыан өрүһүм
Хара уулара...
“Сыаната биллибэт
Сыа Бүлүү” аатырбыт,
“Холооно биллибэт
Хоргун Бүлүү” дэппит
Күндү өрүһүм
Күүһүлэнэн
Куппар-сүрбэр
Кутурҕан буолан
Кутуллар,
Ааспат аһыы
Абаран-сатаран
Айманар! [7, с. 18-19].

Передо мной
Слезами окутанная
Течешь печально,
Черной водой омраченная,
Бедная моя река…
Прославленная великая река,
Воспетая в песнях и лирике
поэтов.
Дорогая моя река…
Твоя печальная судьба
Тревожит душу мою,
Не угасающая боль твоя
Терзает сердце мое.
Наполняется,
Сильной горечью
Злость, досада
терзает!

В ранних сборниках поэтесса описывает красоту реки Вилюй, через образ которой передается любовь к малой родине, а в поздних сборниках она раскрывает образ реки Лены, как любовь к родной земле.

В творчестве Н. Михалевой - Сайа можно найти стихотворения, в которых раскрываются образы поэтов. Стихотворения-посвящения адресуются поэтам, чьими именами гордится автор. Например, «Ойуунускай музейыгар» (“В музее Ойунского”), «Саха маҥнайгы поэтессата Варвара Потаповаҕа» (“Первой якутской поэтессе Варваре Потаповой”), «Хоһоонньут кыргыттар» (“Девушки-поэтессы”), «Хоһоонньут убай дьоммор» (“Старшему поколению стихотворцев”), «Есенииҥэ билинии» (“Признание Есенину”) [5, 6, 8] и др.

Любовь как одна из вечных тем творчества занимает основное место в лирике многих поэтов. Так, в творчестве Н. Михалевой - Сайа можно найти немало стихотворений, посвященных теме любви. В выпущенном издательством «Бичик» в 2000 г. сборнике «Бүгүн түүн» (“Эта ночь”) [7] находим целый раздел, посвященный любовной лирике – «Таптал чараҥа» (“Роща любви”). Сюда вошло 76 стихотворений на тему любви, из 137 стихотворений 55,5 % посвящены любви: «Таптал чараҥа» (“Роща любви”), «Маҥнайгы таптал» (“Первая любовь”), «Таптал» (“Любовь”), «Забудь меня» (“Умун миигин”), «Таптал сибикитэ» (“Вестник любви”), «Кэбис» (“Не приходи”) [5, 6] и др.

В стихотворениях Сайа мы находим образ лирического героя, который боится любить и разочаровался в жизни.

Кэбис, таптал,
кэлимэ эмиэ...
Кэрэх турбут
кэриитин кэрийимэ...
[4, с. 141].

Любовь,
Не приходи снова...
Не будь жертвой
Обойди стороной...

Мин саныыбын эйигин.
Саныы турабын.
Санаабат буоларга билигин
Мин барытын биэриэх этим...
[4, с. 148].

Я вспоминаю тебя
Вспоминаю все время.
Все отдала бы сейчас
Лишь бы не вспоминать.

Отунан-маһынан буолбатах –
тапталым судургу буолбатах,
Арыылаах килиэп да буолбатах –
олоҕум ол оннук да буолбатах...
[4, с. 160].

Не проста моя любовь,
Это и не хлеб с маслом –
моя жизнь и не такая…

Стихотворения Сайа, раскрывающие реалии жизни: счастье и влюбленность, разлуку, измену, безответную любовь и др., можно разделить на три темы.

Во-первых, искренняя счастливая любовь:

Бэс ыйыгар, сай үөһүгэр
эйигиннии көрсүһүөҕүм,
Дьол ырыатын, дьол тойугун
куйаас күнүн дьүһүйүөҕүм,
Илгэ салгын, итии сайын
имэҥиттэн иитиллиэҕим
Көрүс миигин бэс ыйыгар!...
[4, с. 155].

В июне,
в середине жарких дней
Встречусь я с тобой,
В песнях счастья
Жаркие дни воспою...
Воздух благодати,
Жаркое лето
Встречай меня в июне!

Барар сириҥ аайы
Мааны хатыҥ буолан
Маанылыттыыр буоллар!
Кэлэр сириҥ аайы
Кэрэ чыычаах буолан
Кэтии сылдьар буоллар!
[4, с. 156].

Ходила бы за тобой по пятам
Всегда и везде...
Притворившись нарядной
березой в лесу,
Следила бы за тобой,
Став прекрасной певчей
Птицей,
Была бы рядом всегда.

Хотя в лирике поэтессы преобладает «грусть», мы видим и упоение счастьем от любви. Поэт пишет, что любовь приносит человеку не только разочарование, но и стремление к прекрасному и высокому.

Во-вторых, ожидание любви:

Өссө да хойут буолбатах –
таптыырга,
Өссө да хойут буолбатах –
умайарга.
Уон аҕыстаах кыыс
уолҕамчы майгытынан дуу,
Отуттаах дьахтар
оттомноох көрүҥүнэн дуу,
Олоҕу билбит дьахтар
оҕуруктаах өйүнэн дуу
Таптыаҕым уонна таптатыаҕым
[4, с. 154].

Еще не поздно любить,
Еще не поздно загореть ярким
пламенем любви.
Девочке восемнадцати лет
С нежным характером.
Девушке тридцати лет
С достойным видом.
Женщине,
познавшей жизнью
Буду любить
и буду любима.

В стихотворениях, где лирический герой находится в ожидании любви, поэт отмечает, что любви покорны все возрасты. По ее мнению, и женщина среднего возраста, и юная девочка могут одинаково сильно влюбиться. Мечтам человека свойственно сбываться, если долго жить в ожидании настоящей любви.

В-третьих, в стихотворениях Сайа присутствуют невидимые нити любви и душевной боли, глубокого чувства и нотки грусти:

Мин тыыным хаайтарар
Бу иэйии уотуттан,
Үһүн да буруолаах
Бу оһох суоһуттан... [4, с. 160].

Мне дышать тяжело
Из-за моих ярких чувств,
От дыма
жаркой печи...

Таптал кыра-кыралаан
Миигин хаалларар,
Улам-улам сөҕүрүйэн
Уота умуллар [4, с. 158].

Любовь понемногу
Меня покидает,
Понемногу
огонь любви угасает.

Исходя из этого можно предположить, что недооценивание и небрежное отношение к душевным порывам приводит к гибели любви. Любовная лирика поэтессы в целом наполнена глубокими переживаниями, тоской и грустью.

Природа – одна из вечных тем поэзии. Образ природы позволяет человеку задуматься о ценности и смысле жизни, о его предназначении. Якутская пейзажная лирика имеет свои неповторимые образы. В произведениях Н. В. Михалевой - Сайа пейзажная лирика имеет особое место. В рамках этой темы автор помимо того, что увековечивает прекрасные явления природы, раскрывает через них концепцию жизни: авторский взгляд на предназначение женщины, веру в победу добра над злом. Например:

Төһө да
дьааттаах уунан
дьалкыһыйда диэтэллэр,
дьааһыгырда диэтэллэр,
Санньыы-курус да кэммэр
Саатыыр сырдык санаабын
Саһарҕалаах кытылгар
Сатаан булан көрүөҕүм...
[6, с. 70].

Пусть говорят,
что ядом испорченная,

Грязной пусть обзывают,
Но во времена печали и грусти
Мои светлые мысли
Найду я в твоих
Лучезарных берегах...

Особое место в творчестве поэтессы занимает образ родного места Тюбэй:

Дьэдьэннээбит кырдалбар
Дьиэрэҥкэйдээн ылаары,
Сөтүөлээбит ууларбар
Сөрүүкээммин үөрээри
Төннө туруом Түбэйбэр,
Төрүт түөлбэм буоругар...
[6, с. 68].

В те места, где я собирала
землянику,
Чтобы потанцевать чуть-чуть,
В те воды, в которых я купалась,
Чтобы прохладиться вдоволь
Всегда буду возвращаться в Тюбэй,
В родимую землю мою…

Автор из всех времен года в основном описывает весну. В это время просыпаются и оживают самые прекрасные чувства:

Саас сырдык чэлгиэнэ
Санаабар эргийдэ,
Ыам ыйын мичээрэ
Тулабар сэгэйдэ.
Туох эрэ дьолооҕу
Сүрэҕим биттэннэ,
Бүтэйдии үөрүүгэ
Бүтүннүү бэриннэ [6, с. 27].

Светлая пора весны
Душу закружила,
Улыбка мая месяца
Вокруг заплясала.
Что-то счастливое
В сердце воспарило,
Что-то радостное
Весь мир обхватило.

Особенности лирического субъекта

В сборнике «Тыллыы» («Расцвет») раскрывается образ лирического героя со счастливым детством на лоне прекрасной природы, помнящего запах молока от материнских ладоней. Кроме субъективных переживаний читатель находит чувство гордости своей родиной через введение образов легендарных представителей родного народа. В сборнике лирический герой восхищается образами Манчаары, Эр Хоһуун. А бубен, камелек (дүҥүр, көмүлүөк, өтөх) напоминают лирическому герою жизнь предков, не дают забыть свои корни. Поэтому лирический герой сборника «Расцвет» – это образ борца, который любит жизнь, верит в будущее, счастливую жизнь, готов к преодолению любых трудностей.

Отличается от других лирический герой сборника «Бүгүн түүн» (“Эта ночь”). Здесь тоже жизнь начинается с летника, счастливого детства, но он здесь более широкоплановый герой. Видны последствия репрессии, веяние времени. Тема свободы в этом сборнике заостряется, герой задумывается о прошлой жизни, есть моменты непроходящей грусти. Если лирический герой первого сборника восхищался красотами природы, то у героя второго сборника уже есть свои потери в жизни, но он восхищается золотой осенью, у него есть светлое настоящее.

В сборник «Аата суох сибэкки» (“Безымянный цветок”) [2], наравне со стихотворениями вошли, рассказы и воспоминания. В данном сборнике лирический герой сравним с образом одинокого путника: даже если и не знает, что его ждет впереди, он никогда не устает от жизни, с благогдарностью принимая каждыфй прожитый день. В позднем сборнике Н. В. Михалевой-Сайа «Эрэн миэхэ» (“Поверь в меня”) [8] раскрывается образ лирического героя, схожего с прежними образами, но более уверенного в себе. Он полноценная личность, познавший радость побед и уверенно шагающий по жизни.

Заключение

В творчестве Н. В. Михалевой - Сайа раскрываются разнообразные темы: любовь к родине, свобода, природа, любовь и др.

Образ природы автор использует как прекрасное явление и способ передачи своих чувств. Описывает явления природы и раскрывает через них концепцию жизни: авторский взгляд на предназначение женщины, веру в победу добра над злом и др. В творчестве Н. В. Михалевой большое количество стихотворений, посвященных теме любви, которые можно разделить на три направления: искренняя любовь, ожидание любви и разочарование в ней.

Образ лирического героя меняется с наивного мечтателя до одинокого путника. Например, в первом сборнике герой имеет образ наивного мечтателя, он восхищается красотами природы. Далее герой набирает жизненный опыт, он восхищается золотой осенью, дружит с темной ночью и др. В следующем сборнике лирический герой изображен в образе одинокого путника, который ценит жизнь и наслаждается свободой личности.

Поэтесса Н. В. Михалева - Сайа – мастер слова, создающая глубокие образы, влияющие на чувства и сердца читателей. Ее произведения особо отличаются особой звучностью, мелодичностью, затрагивают глубинные переживания человека, потому находят своего читателя среди людей всех возрастов.

Литература

1. Васильева А. Н. Михалева-Сайа: олох утарыта туруттан турар // Эдэр саас – 1997. – ахсынньы 17 к.

2. Михалева Н. В. Аата суох сибэкки: хоһооннор, ахтыылар, кэпсээннэр . – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 222 с.

3. Михалева Н. В. Алтан Сэргэм: хоһооннор – Дьокуускай: Көмүөл, 2019. – 574 с.

4. Михалева Н. В. Бүгүн түүн. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 174 с.;

5. Михалева Н. В. Күөх ньургуһун. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 124 с.

6. Михалева Н. В. Кистэлэҥ халлааным Айыыта. – Дьокуускай: Бичик – 2006. – 164 с.

7. Михалева Н. В. Тыллыы. – Дьокуускай: Ситим, 1994. – 76 с.

8. Михалева Н. В. Эрэн миэхэ. – Дьокуускай: 2014. – 114 с.

9. Окорокова В. Б. Саха литературата үйэлэр кирбиилэригэр – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 160 с.

10. Окорокова В. Б. Этигэн сүрэх айманар тойуга. – Дьокуускай: Бичик, 2002 – 139 с.

11. Окорокова В. Б. Н. Михалева - Сайа «Алаадьы» кэпсээнигэр архетип-уобарастар уонна архетип-матыыптар / В. Б. Окорокова, О. Н. Давыдова // Материалы республиканской НПК «Винокуровские чтения: научные и методические аспекты изучения якутского языка, литературы и культуры. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2021. – С. 215-221.

12. Окорокова В. Б. Саха поэзиятын Алгыстаах Айыы куота / В. Б. Окорокова. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2019. – 208 с.

13. Попов Б. Н. Дьолтон дьолго тардыһа: Сайа «Тыллыы» кинигэтэ // Сахаада, 1994. – Ыам ыйын 12 к. – С. 9. Сыһыарыы «Өлүөнэ сарсыардата» № 9.

14. Попова М. П. Современная якутская поэзия (1980-2000-е гг.). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007 – 160 с.

15. Семенова В. Г. Анемподист Софронов поэзията. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2002. – 164 с.

References

1. Vasil'eva A. N. Mihaleva-Saja: oloh utaryta turuuttan turar // Eder saas – 1997. – ahsynn'y 17 k.

2. Mihaleva N. V. Aata suoh sibekki: hohoonnor, ahtyylar, kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2009. – 222 s.

3. Mihaleva N. V. Altan Sergem: hohoonnor – D'okuuskaj: Kөmүөl, 2019. – 574 s.

4. Mihaleva N. V. Bүgүn tүүn. – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 174 s.;

5. Mihaleva N. V. Kүөh n'urguhun. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 124 s.

6. Mihaleva N. V. Kisteleҥ hallaanym Ajyyta. – D'okuuskaj: Bichik – 2006. – 164 s.

7. Mihaleva N. V. Tyllyy. – D'okuuskaj: Sitim, 1994. – 76 s.

8. Mihaleva N. V. Eren miekhe. – D'okuuskaj: 2014. – 114 s.

9. Okorokova V. B. Saha literaturata үjeler kirbiileriger – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 160 s.

10. Okorokova V. B. Etigen sүrekh ajmanar tojuga. – D'okuuskaj: Bichik, 2002 – 139 s.

11. Okorokova V. B. N. Mihaleva - Saja «Alaad'y» kepseeniger arhetip-uobarastar uonna arhetip-matyyptar / V. B. Okorokova, O. N. Davydova // Materialy respublikanskoj NPK «Vinokurovskie chteniya: nauchnye i metodicheskie aspekty izucheniya yakutskogo yazyka, literatury i kul'tury. – Yakutsk: Izd-vo SVFU, 2021. – S. 215-221.

12. Okorokova V. B. Saha poeziyatyn Algystaah Ajyy kuota / V. B. Okorokova. – Yakutsk: Izd-vo SVFU, 2019. – 208 s.

13. Popov B. N. D'olton d'olgo tardyha: Saja «Tyllyy» kinigete // Sahaada, 1994. – Yam yjyn 12 k. – S. 9. Syhyaryy «Өlүөne sarsyardata» № 9.

14. Popova M. P. Sovremennaya yakutskaya poeziya (1980-2000-e gg.). – Yakutsk: Izd-vo YaGU, 2007 – 160 s.

15. Semenova V. G. Anempodist Sofronov poeziyata. – D'okuuskaj: SGU izd-ta, 2002. – 164 s.

ПАВЛОВА Ольга Ксенофонтовна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: olga-ksento@mail.ru

PAVLOVA Olga Ksenofontovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЛУКИНА Кэскилээнэ Вячеславовна – магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: keskileene.lukina@mail.ru

LUKINA Keskileene Vyacheslavovna – Master's student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 398.2.681.8467(=512.157)
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.38.93.004

Первые магнитофонные записи якутского фольклориста В. В. Илларионова

С. В. Алексеева, Т. В. Илларионова ✉
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия
✉ 445325@mail.ru

Аннотация. История изучения фонографической записи якутского народного фольклора в рамках исследования традиционной культуры якутов является мало изученной и до настоящего времени не становилась предметом специального исследования. С появлением звукозаписи возникло новое информационное пространство в сфере якутской культуры, требующее научного освещения. Современным исследователям фонозапись может послужить важным и ценным источником для сравнительного изучения народного творчества и фольклорного наследия народа саха. В данной работе рассматриваются расшифрованные записи из полевых материалов фольклорных экспедиций якутского фольклориста Василия Васильевича Илларионова. Он первым в Якутии начал использовать технические средства фиксации устного народного творчества и является первым фольклористом, который полностью записал исполнение олонхо. Полевые материалы фольклорных экспедиций профессора В. В. Илларионова хранятся в архивах с 1967 года по 1991 год. Им было сделано 81 полевых фольклорных записей. Из них мы рассмотрим пять расшифрованных фольклорных записей. Данная работа является попыткой осветить расшифровку фонозаписи якутского фольклора с целью заполнения лакуны исследования по истории якутской фонозаписи.
Ключевые слова: олонхо, расшифровка, запись, якутский фольклор, олонхосуты, магнитофон.
Для цитирования: Алексеева С. В., Илларионова Т. В. Первые магнитофонные записи якутского фольклориста В. В. Илларионова. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 28–32. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.38.93.004.

The first tape recordings of Yakut folklorist Vasily Illarionov

S. V. Alekseeva, T. V. Illarionova ✉
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
✉ 445325@mail.ru

Abstract. This paper discusses the deciphered records from the field materials of the folklore expeditions of the Yakut folklorist Vasily Vasilyevich Illarionov. He was the first in Yakutia to use technical means of recording oral folk art and is the first folklorist who completely recorded the performance of olonkho. Field materials of the folklore expeditions of Professor Illarionov are stored in the archives from 1967 to 1991. He recorded 81 field folklore records. Of these, we will consider five deciphered folklore records. The purpose of our work is to fill the gap in research on the history of the Yakut sound recording. This work is an attempt to highlight the decoding of the audio recording of the Yakut folklore. The history of the study of the phonographic record of the Yakut folklore in the framework of the study of the traditional culture of the Yakuts is little studied and so far it has not become the subject of a special study. And with the advent of sound recording, a new information space arose in the field of Yakut culture, requiring scientific coverage. For modern researchers, phono recording

© С. В. Алексеева, Т. В. Илларионова, 2023

can serve as an important and valuable source for a comparative study of folk art and the folklore heritage of the Sakha people.

Keywords: olonkho, transcription, recording, folklore, olonkhosuts, tape recorder.

For citation: Alekseeva S. V., Illarionova T. V. The first tape recordings of Yakut folklorist Vasily Illarionov. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 28–32. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.38.93.004.

Введение

Из якутских фольклористов первые шаги в фиксировании живого исполнения олонхосутов на магнитофонной ленте сделал Н. В. Емельянов. Он записал начало олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Теплоухова-Тимофеева. В последующем фольклористы П. Е. Ефремов, Н. В. Емельянов приняли личное участие в записи на магнитофон живого исполнения долганских и эссейских олонхосутов с начала до конца работы.

Полевые материалы фольклорных экспедиций профессора Василия Васильевича Илларионова в архивах хранятся с 1967 по 1991 гг. Он первым в республике начал использовать технические средства фиксации памятников устного народного творчества народа саха и является первым фольклористом, который полностью записал исполнение олонхо. Им были записаны на магнитную ленту олонхо разных исполнителей из 9 улусов Якутии. Полевые материалы фольклорных экспедиций профессора хранятся в архиве Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, с 1969 г. по 1985 г. всего 36 записей, в архиве Якутского научного центра СО РАН с 1972 г. по 1991 г. хранятся 45 записей. Всего по олонхо – 19 записей, песен – 12, рассказов и мифов – 9, осуохай – 6 и др. Из 81 записи рассмотрим 5 расшифрованных.

Основная часть

По сведению В. В. Илларионова, «анализ эпического репертуара в повторных записях олонхосутов на сюжетно-композиционном уровне показывает, что олонхосуты, сказительская деятельность которых совпала с активной формой бытования олонхо, владели мастерством свободного варьирования эпического текста, а в момент угасания сказительской традиции такая возможность, естественно, ограничена. Живая эпическая традиция всегда поддерживала и заставляла быть в форме, и олонхосуты при исполнении каждый раз учитывали реакцию аудитории, где всегда находились настоящие ценители и знатоки народного творчества, своим вниманием и возгласами они вдохновляли исполнителя. В период угасания живой традиции большинство олонхосутов, хотя и старались передать эпический текст, каким они слышали его в детстве и переняли "от отцов и дедов" или учителей-олонхосутов, уже не имели возможности варьировать тексты, вносить коррективы в известные им сюжеты» [1, с. 53].

В книге «Якутская полевая фольклористика 70-80-х годов XX века» Василий Васильевич отмечает, что Г. В. Ксенофонтов и Сэсэн Боло, оставили собранные ими фольклорные материалы, подготовленные к печати, которые вышли отдельными изданиями под названием «Эллэйада» и «Жизнь якутов до прибытия на Лену русских», и в настоящее время пользуются большой востребованностью и огромным интересом у широкого круга читателей разных поколений [2, с. 3].

В. В. Илларионов по своим записям издал несколько книг, которые записывал в разные годы.

В 1996 г. вышло первое расшифрованное олонхо «Могучий Эр Соготох» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Составители якутского тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» «ознакомившись с записью олонхо, решили включить в состав серии» [3, с. 23]. Именно этот устный

вариант олонхо, воспроизведенный в письменной форме Илларионовым, опубликован в настоящем томе впервые в истории публикации олонхо.

Олонхо «Могучий Эр Соготох» Вилюйского олонхосута В. О. Каратаева записано на магнитофон трижды. Первая фонозапись была произведена полностью совместно с фольклористом В. П. Еремеевым в октябре 1975 г., переведена в письменный вариант и сдана в архив. В 1982 г. с целью его издания отдельной книгой в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» было перезаписано вторично. Пользовались поочередно двумя магнитофонами, что позволило записать исполнение без перерыва. Третья запись сделана в 1986 г. звукооператором Всесоюзной фирмы "Мелодия" М. Л. Дидыком, участником Комплексной фольклорной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Последняя запись стала основой музыковедческой статьи Э. Е. Алексеева в этом издании.

В 1970-х гг. В. В. Илларионов впервые записывает олонхо сказителя М. З. Мартынова. Василий Васильевич вспоминает первые шаги в зписывании живого исполнения олонхо: «По неопытности получил замечание от олонхосута из-за того, что по окончании магнитной ленты вынужден был каждый раз прерывать работу, и, думая, что пожилой человек нуждается в отдыхе, делал паузы, чем вызывал недовольство олонхосута, который только набрал темп. Позднее понял, что олонхосуты каждое описание сказывают безостановочно на одном дыхании, и при этом запрещается их прерывать. Поэтому поочередная запись на двух магнитофонах не отвлекает олонхосута, не прерывает ритма сказывания, в точности фиксирует его исполнение» [4].

В 2000 г. вышла книга «Олоҥхоһут А. С. Васильев: олоҕо уонна айар үлэтэ» (Жизнь и творчество сказителя А. С. Васильева). Книга является первым исследованием по изучению творчества олонхосутов. Ее можно рассмотреть как первое исследование из богатого репертуара именитых олонхосутов таких как Д. М. Говоров, Н. А. Абрамов, И. Г. Тимофеев-Теплоухов, С. Н. Каратаев – Дыгыйа, И. М. Харитонов и др. [5].

Следующая книга «Оччугуй Уйбаан аман өһө» (Сказание Оччугуй Ивана) была издана в 2004 г. В этой работе представлены исторические предания, рассказы, народные песни, отрывки олонхо, бытовавшие в Алтайском наслеге Амгинского улуса, записанные со слов Ивана Ивановича Нестерова – Оччугуй Ивана.

Третья книга из записей В. В. Илларионова вышла в 2006 г. «Дьаанҕы олоҥхоһуттарын үгэстэрэ» (Сказительские традиции Верхоянья) в издательстве «Бичик». Всего в Верхоянске было сделано 6 записей. В 1972 г. одна запись, где вошли предания, песни, загадки и сюжеты олонхо, в 1976 г. две записи, в которые вошли 14 песен и тойуков, а в 1979 г. одна запись с двумя тойуками. В 1984 г. сделаны записи олонхо «Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор уонна Элгээн Иэйиэхсит эмээхсин» (Старик Мекюлюкян и старуха Иэйиэхсит) в исполнении Д. А. Томской-Чаайка, а также запись олонхо «Элитэр Бэргэн бухатыыр (Богатырь Элитэр Бэргэн)». В 1988 г. было записано олонхо «Хаан Илбистээн бухатыыр» (Богатырь Хаан Илбистэн) в исполнении Д. А. Томской-Чаайки.

Книга Д. А. Томской «Үчүгэй Үөдьүгүйээн, Куһаҕан Ходьугур» (Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур) вышла в издательстве ИГИиПМНС СО РАН в 2011 г. В. В. Илларионов в своей книге «Олонхо алыптаах эйгэтэ» (Волшебный мир олонхо) отмечает, что с 1983 г. начал записывать на магнитофон пять олонхо Д. А. Томской, некоторые расшифровал и напечатал, а олонхо «Айаанай Бэргэн» сказительница исполнила полностью в студии радиокомитета. Видеозапись сделана под руководством фольклориста С. Д. Мухоплевой [6, сс. 12-15].

Книга олонхо «Уол Дугуй бухатыыр» (Богатырь Уол Дугуй) вышла в 2014 г. в издательстве «Медиа-холдинг Якутия». Когда В. В. Илларионов учился на втором курсе, Д. С. Макаров рассказал о том, что «в Октемцах встретил истинного олонхосута, жителя Чапаевского участка Е. И. Кардашевского, и что сказитель хочет, чтобы его олонхо было зафиксировано». При этом он подчеркнул важность задачи сохранения народного эпоса,

записи живого исполнения олонхо самими сказителями для последующей расшифровки, перевода в письменную форму и сдачи материала в архив для увековечивания и сохранения олонхо. Если мы этого не сделаем, говорил он, нас ждет справедливое осуждение поколений, которые придут после нас. Так в маршрут и план экспедиции ИЯЛИ СО РАН было включено посещение Чапаевского участка Орджоникидзевского района (ныне Хангаласского района) для встречи и работы со сказителем Е. И. Кардашевским. «Небольшой Чапаевский участок входил в Октемский наслег. В ходе беседы выяснилось, что его (сказителя) отец Илья Кардашевский-Кёгэл тоже был известным певцом, тойуксутом, запевалой осуохая» [2]. Таким образом, была сделана магнитофонная запись олонхо Е. И. Кардашевского «Богатырь Уол Дугуй». Егор Ильич был истинным олонхосутом, таких называют “Ийэ олоҥхоһут”, у него была неспешная, плавная манера исполнения. Он стремился передавать особенности песен богатырей, их тойуков, используя разные мотивы. Несмотря на свой возраст, он часами мог исполнять олонхо. Запись Е. И. Кардашевского длилась примерно четыре дня. Олонхо было записано в 1988 г. и спустя почти 30 лет запись вышла в виде книги.

В. В. Илларионов в своей работе выделяет, что «олонхо Е. И. Кардашевского и Д. А. Томской были записаны на магнитофон и переведены в письменный вариант в точности так, как они были исполнены. Так же, при их печатном издании в комплект был включен компакт-диск с записью их живого исполнения, что дает возможность услышать оригинал олонхо. В вступительной статье написано про сказителей и их олонхо, даны текстологические пояснения к текстам, сюжеты олонхо представлены в переводе на русский язык, Е. С. Сидоровым на русский язык переведено олонхо Д. А. Томской. Музыковеды А. С. Ларионова, А. Д. Татаринова и В. С. Никифорова нотировали песни-тойуки в исполнении олонхосутов, написали интересные музыковедческие статьи по поводу их напевов» [7, с. 185]. Так были сделаны первые шаги в деле введения в научный оборот особенностей живого исполнения олонхосутов в наиболее естественной обстановке.

Заключение

Таким образом, с появлением звукозаписи возникло новое информационное пространство в сфере якутской культуры, требующее научного освещения. Современным исследователям фонозапись может послужить важным и ценным источником для сравнительного изучения народного творчества и фольклорного наследия народа саха. Профессор В. В. Илларионов сделал огромную работу по увековечиванию исполнителей олонхо. Записывание полностью исполнения олонхо, которое длится несколько часов, и дальнейшее расшифровка записи требует усердной работы. В архивах ИГИиПМНС СО РАН хранятся записи олонхосутов и ждут своей очереди, тем более в век информационной технологии записи могут расшифровываться намного быстрее, чем раньше, чтобы найти свое место в культурном пространстве якутского фольклора.

Литература

1. Илларионов В. В. Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха: диссертация ... доктора филологических наук в форме науч. докл.: 10.01.09. – Якутск, 1997. – 53 с.

2. Илларионов В. В. Якутская полевая фольклористика 70-90-х годов XX века. Опыт научной саморефлексии. – Якутск: Алаас, 2021. – 144 с.

3. Могучий Эр Соготох: Якут. героич. эпос / [Сказитель В. О. Каратаев; Перевод П. Е. Ефремова и др; Магнитофон. запись, подгот. текста В. В. Илларионова; Вступ. и музыковед. статьи Н. В. Емельянова и др., С. 10-58; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии]. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1996. – 437 с.: ил., ноты; 22 см. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

4. Илларионов В. В., Илларионова Т. В. Из истории фонозаписи олонхо и задачи якутских фольклористов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. №8-1(50) – С. 81-84.

5. Илларионов В. В. Олоҥхоһут А. С. Васильев олоҕо уонна айар үлэтэ = Жизнь и творчество сказителя А. С. Васильева. – Якутск: ДНиСПО МО РС(Я), 2000. – 120 с.

6. Илларионов В. В. Олоҥхо алыптаах эйгэтэ: (ыстатыйалар,санаалар, сэһэргэһиилэр) = Волшебный мир олонхо (статьи, воспоминания, интервью). – Якутск: Бичик, 2006. – 334 с.

7. Олонхо Е. И. Кардашевского «Богатырь Уол Дугуй» // Илларионов В. В. Эпическое наследие народа саха / В. В. Илларионов. – Новосибирск: Наука, 2016. – 344 с.

References

1. Illarionov V. V. Skazitel'stvo v sisteme fol'klornoj tradicii naroda Sakha: dissertatciya ... doktora filologicheskih nauk v forme nauch. dokl.: 10.01.09. – Yakutsk, 1997. – 53 s.

2. Illarionov V. V. Yakutskaya polevaya fol'kloristika 70-90-h godov XX veka. Opyt nauchnoj samorefleksii. – Yakutsk: Alaas, 2021. – 144 s.

3. Moguchij Er Sogotoh: Yakut. geroich. epos / [Skazitel' V. O. Karataev; Perevod P. E. Efremova i dr; Magnitofon. zapis', podgot. teksta V. V. Illarionova; Vstup. i muzykoved. stat'i N. V. Emel'yanova i dr., S. 10-58; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii]. – Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 1996. – 437 s.: il., noty; 22 sm. – (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 10).

4. Illarionov V. V., Illarionova T. V. Iz istorii fonozapisi olonho i zadachi yakutskih fol'kloristov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. №8-1(50) – S. 81-84.

5. Illarionov V. V. Oloҥkhohut A. S. Vasil'ev oloҕo uonna ajar үlete = Zhizn' i tvorchestvo skazitelya A. S. Vasil'eva. – Yakutsk: DNiSPO MO RS(Ya), 2000. – 120 s.

6. Illarionov V. V. Oloҥkho alyptaakh ejgete: (ystatyjalar,sanaalar, sehergehiiler) = Volshebnyj mir olonkho (stat'i, vospominaniya, interv'yu). – Yakutsk: Bichik, 2006. – 334 s.

7. Olonkho E. I. Kardashevskogo «Bogatyr' Uol Duguj» // Illarionov V. V. Epicheskoe nasledie naroda saha / V. V. Illarionov. – Novosibirsk: Nauka, 2016. – 344 s.

АЛЕКСЕЕВА Сардана Васильевна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

ALEKSEEVA Sardana Vasilyevna – Master's student. Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИЛЛАРИОНОВА Туяра Васильевна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: 445325@mail.ru

ILLARIONOVA Tuyara Vasilyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.145
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.44.47.005

Традиции восточной литературы и фольклора в поэме «Кыйссаи Ибрахим Адхам» татарского поэта XIX в. Габдельджаббара Кандалыя

Р. Ф. Сафиуллина
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Россия
✉ rusafi13@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние литературы мусульманского Востока на татарскую литературу. Межлитературные связи мусульманских тюркоязычных народов стали особенно выраженными с распространением ислама в Средней Азии, Сибири, на Урале, в Поволжье, на Кавказе, в Крыму. В качестве постановки вопроса высказывается мнение о том, что ислам привнес в татарскую литературу и в народное творчество новые темы, жанры, образы и символы. Автор приходит к мнению о том, что принятие новой религии обеспечило письменную фиксацию литературы и фольклора. В статье анализируется поэма XIX в. «Кыйссаи Ибрахим Адхам» татарского поэта Габдельджаббара Кандалыя (1797–1860), ставшая классическим образцом религиозно-дидактической и суфийской поэзии. Поэма создана в традициях «Пэнднамэ» ‘Аттара и других суфийских поэтов, освещает некоторые эпизоды жизни реальной исторической личности – суфийского шейха Ибрахима ибн Адхама. Выполнен сравнительный анализ татарской поэмы об Ибрахиме Адхаме и турецкого народного дастана «Ибрахим Адхам». В результате анализа автор статьи приходит к выводу о том, что поэма «Кыйссаи Ибрахим Адхам» Г. Кандалыя, сохранив традиционные мотивы и идеи религиозно-дидактических произведений литературы Востока, стала самостоятельным, оригинальным произведением на татарском языке.

Ключевые слова: религиозно-дидактическая литература, поэзия мусульманского Востока, Габдельджаббар Кандалый, фольклор, традиции, «Кыйссаи Ибрахим Адхам», дервиш.

Для цитирования: Сафиуллина Р. Ф. Традиции восточной литературы и фольклора в поэме «Кыйссаи Ибрахим Адхам» татарского поэта XIX в. Габдельджаббара Кандалыя. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 33–41. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.44.47.005.

Traditions of Oriental literature and folklore in the poem "Kyissai Ibrahim Adham" by the Tatar poet of the 19th century Gabdeljabbar Kandaly

R. F. Safiullina
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, AS RT, Kazan, Russia
✉ rusafi13@yandex.ru

Abstract. This article examines the influence of the literature of the Muslim East on Tatar literature. The inter-literary ties of Muslim Turkic-speaking peoples became especially pronounced with the spread of Islam in Central Asia, Siberia, the Urals, the Volga region, the Caucasus, and the Crimea. As a statement of the question, the opinion is expressed that Islam has brought new themes, genres, images and symbols to Tatar literature and folk art. The author comes to the conclusion that the adoption of a new religion ensured the written fixation of literature and folklore. The article analyzes the poem of the 19th century "Kyissai Ibrahim Adham" by the Tatar poet Gabdeljabbar Kandaly, which has become a classic example of religious-didactic and Sufi poetry. The poem was created in the traditions of "Pandnam" 'Attara and other Sufi poets, highlights some episodes of the life of a real historical figure – Sufi Sheikh Ibrahim ibn

© Р. Ф. Сафиуллина, 2023

Adham. A comparative analysis of the Tatar poem about Ibrahim Adham and the Turkish folk dastan "Ibrahim Adham" is performed. As a result of the analysis, the author of the article comes to the conclusion that the poem "Kyissai Ibrahim Adham" by G. Kandaly, having preserved the traditional motives and ideas of religious and didactic works of literature of the East, has become an independent, original work in the Tatar language.

Keywords: religious and didactic literature, poetry of the Muslim East, Gabdeljabbar Kandaly, folklore, traditions, "Kyissai Ibrahim Adham", dervish.

For citation: Safiullina R. F. Traditions of Oriental literature and folklore in the poem “Kyissai Ibrahim Adham” by the Tatar poet of the 19th century Gabdeljabbar Kandaly. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 33–41. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.44.47.005.

Многие столетия литература и фольклор мусульманского Востока оказывали мощное воздействие на литературу и народное творчество большинства тюркских народов. Не стала исключением и татарская литература, поскольку тюрки жили, обогащая общетюркскую культуру, коммуницируя, взаимодействуя – благодаря сходству менталитета и сходству языка. С принятием и распространением ислама на территориях Средней Азии, Сибири, Урала, Поволжья, Кавказа, Крыма литературные и фольклорные связи тюркских-мусульманских народов стали особенно выраженными. Ислам привнес в татарскую литературу и в народное творчество не только новые темы, жанры, образы и символы, но и, в первую очередь, закрепил их письменную фиксацию [10, с. 1], благодаря чему происходил расцвет литературы. Татарская письменная литература (поэзия), располагавшая ко времени принятия ислама в Поволжье собственным внушительным языковым, историческим, фольклорным, образно-лирическим потенциалом, обогащается исламской тематикой [7, с. 4]. Как видно из исследований фольклориста А. Х. Садековой, в устном народном творчестве успешно развиваются религиозные жанры [4, с. 8], такие, как мадхии и марсии, рамазании, мунаджаты, баиты и дастаны с религиозным содержанием и др. Также широкий отклик в татарской поэзии и фольклоре находят традиции суфийской литературы, зародившейся именно у мусульманских народов. По мнению исследователя А. Т. Сибгатуллиной, татарская литература вплоть до XX в. находилась под влиянием литературы мусульманского Востока [7, с. 4].

Среди всемирно известных поэтов мусульманского Востока у татар наибольшую известность получали А. Яссави (умер в 1161), С. Бакыргани (умер в 1186), А. Навои (умер в 1501), основоположник одноименного толка суфизма Бахауддин Накшбанди (умер в 1389) и др. Их идеи поддержали и продолжили талантливые татарские поэты Кул Гали (умер в 1241), Мухаммадьяр (умер в 1547), Кул Шариф (умер в 1552) и др. Исследователям хорошо знакомы произведения и не столь широко известных авторов, например, золотоордынского автора Абу Бакра Каландара Руми. Научный интерес представляет его суфийская поэма «Каландарнамә», где автор использует термины, художественные образы, метафоры и аллегории, аллюзии на Коран, хадисы пророка Мухаммада [9, с. 36]. Поэтические произведения с обширной системой образов и сюжетов, высокохудожественные эстетические идеалы вышеуказанных авторов вдохновляли поэтов последующих поколений на создание многочисленных произведений и назира (литературный ответ произведению, переложение) [7, с. 11]. Например, яркими именами в татарской религиозной и суфийской поэзии стали Мауля Колый (умер в XVIII в.), Габдрахим Утыз Имяни (умер в 1816), А. Тубыли (умер в 1890).

Великолепным примером влияния поэзии мусульманского Востока на татарскую литературу являются произведения самобытного поэта Габдельджаббара Кандалыя, уроженца с. Кандал Ставропольского уезда Самарской губернии (ныне – территория Старомайнского района Ульяновской области). За свою творческую жизнь поэт написал десятки поэм и стихотворений, многие из которых дошли до наших дней.

Перу Г. Кандалыя принадлежат, в том числе, дидактические, религиозно-философские поэмы «Рисаляи-ль-иршад» и «Кыйссаи Ибрахим Адхам», написанные им в молодом возрасте. Известное произведение «Кыйссаи Ибрахим Адхам» написано в 1815-1816 гг., когда поэт был учеником мусульманского медресе. Данную поэму принято рассматривать как образец религиозной-суфийской поэзии. Наиболее полная версия текста произведения, найденная на сегодня, изучена историком-археографом М. А. Усмановым и опубликована в 1988 г. [2, сс. 317-340].

Как становится понятным из предисловия к поэме, к автору обратились с просьбой написать произведение на татарском языке по мотивам и сюжету популярных у тюркско-мусульманских народов сказаний об известном суфийском шейхе [2, с. 508]. В оригинальных рукописях поэт Г. Кандалый упоминает, что начитан различных сказаний на мотив И. Адхама, но они малопонятны рядовому читателю, поскольку написаны не на татарском языке. [2, с. 18]. Следует учесть, что подвигнуть на творчество можно лишь человека творчески одаренного и знатока в данной области. Поэтому не будет ошибкой предположить, что Г. Кандалый уже в отроческом возрасте проявил себя знатоком древней и современной ему восточной и мусульманской поэзии, идейных основ и ценностей исламской религии. На это, например, указывают, многочисленные заимствования из арабского языка, упоминания имен Всевышнего, мольбы и молитвы, аллюзии на истории, описанные в священной книге мусульман – Коране и т.п. Следует оговориться, что это является особенностью не только поэмы «Кыйссаи Ибрахим Адхам», но и всего творчества Г. Кандалыя [6, с. 74].

Известно и то, что в литературе народов Востока существует традиция использования сюжета, придуманного каким-либо автором, и внесения в него «поправок» и новых идей, ответа автора литературному предшественнику.

Поэма Г. Кандалыя обращена к конкретной исторической личности Ибрахима ибн Адхама аль-Балхи (умер около 874 / 75 гг.) Ибрахим ибн Адхам широко известен в мусульманской литературе и историографии как аскет (дервиш, суфий), который добровольно покинул трон правителя Балха и стал нищим, дервишем. Но не только свой общественный статус поменял Ибрахим – он обрел Истину. Об этом персонаже существует достаточно много источников в традиционной восточной литературе: «Табакат ас-суфийа» Абу ‘Абдуррахмана ас-Сулями, «Хилйат ал-аулийа’» Абу Ну‘айма аль-Исфахани, «Табакат ас-суфийа» Абу ‘Абдуллаха Ансари, «Ар-Рисаля фи-‘илмат-тасаввуф» Абу-ль-Касима аль-Кушайри, «Саляват аль-‘арифин» Абу Халафаат-Табари и «Райхан аль-хака’ик» Абу Бакра Мухаммада ад-Дарбанди и др. После своей смерти популярность Ибрахима Адхама многократно увеличилась, слава о нем распространилась по всему миру. Например, тюркские народы создали многочисленные фольклорные произведения: эпосы (дастаны), легенды, притчи об Ибрахиме Адхаме. Кроме того, был написан прозаический роман, известный на островах Малайского архипелага. Таким образом, Ибрахим Адхам является классическим персонажем в литературе и фольклоре всего мусульманского Востока, а также в мировой поэзии. Например, благодаря стихотворению английского поэта Ли Ханта «Абу бен Адам» (1834), праведный суфий известен и в англоязычной литературе [13, с. 1].

Популярность столь неординарного образа не обошла стороной татарскую литературу. Персонажем интересовались и предшественники Г. Кандалыя. В сборнике религиозно-дидактических произведений Сулеймана Бакыргани, который одновременно служил и учебным пособием татарских медресе, и сокровенной книгой для чтения в кругу татарской семьи, древний поэт восхищается путем истины суфия Адхама:

Зикр Аллаху души обрадовал,
Имущество Балха оставив, палас надел Адхам,
Надев палас, ступил на путь истины,
На путь истины так же [и я] хочу ногой ступить.

Об этом, по утверждению исследователя Ф. З. Яхина, упоминается в 63-м стихе «Книги Бакыргана») [10, с. 76].

Отдав предпочтение образу жизни дервишей, Ибрахим Адхам отказывается от богатства и царствования страной, покидает трон. Облачается в лохмотья суфия, раздает свое имущество и проводит жизнь нищего дервиша. Суфии считали Адхама не только познавшим философию обретения Бога, но и обретшим праведный путь истины, – иначе он не предпочел бы трон дервишеству» [10, с. 76]. Таким образом, Габдельджаббар Кандалый далеко не первый из татарских поэтов, кого вдохновили к творчеству идеи ислама и литература Древнего Востока. В поэме «Кыйссаи Ибрахим Адхам» наблюдается явное влияние литературных, народнопоэтических традиций и назира [2, с. 32].

По нашему мнению, представление Кандалыя о духовных идеалах народа определяло во многом его обращение к традиционным религиозным сказаниям [5, с. 29]. Устойчивый интерес поэта к кораническим текстам, к народно-религиозному сознанию закономерно отразились в произведении, что и прослеживается на протяжении всей поэмы «Кыйссаи Ибрахим Адхам». Композиционно поэма Г. Кандалыя построена на различных сюжетных линиях, в основном, это рассказы, которые объединены между собой общим персонажем – Ибрахимом (предисловие, первые четыре главы). Всего до нашего времени дошло 11 глав.

Начало первой главы поэмы отличается энергичным развитием сюжета и динамизмом, а также присутствием традиционного образа – шаха-царя является аллюзией на народные сказки: *Ибрахим-султан был шахом Балха.* Поэт не рассказывает в поэме о личной и «досуфийской» жизни главного героя. Не известны ни мотивы необычного поступка Ибрахима Адхама, ни предыдущий его жизненный путь. Можно лишь предположить, что автор хотел избежать компиляции или непосредственного перевода с другого языка.

Следует отметить, что странствующий главный герой – это типичный персонаж сказок, эпосов, песен многих народов мира. В фольклорных произведениях с момента выхода в путь начинаются приключения, злоключения героя – собственно повествование. И в то же время, отказ от мирских благ и аскетизм – суфийский мотив. Таким образом, поэт синтезировал в своей поэме традиции фольклорных и религиозно-дидактических произведений.

Как и герои сказок, главный персонаж поэмы Ибрахим в самом начале произведения встречает преграду на своем пути: сторож не пропустил его в ворота, и дервиш вынужден был устроиться на ночлег в чистом поле неподалеку от городской стены. Неожиданно Ибрахим попадает в руки патрулировавшего по окрестностям дозора. Караул принимает путника за вора и приводит его к царю. На расспросы царя Харуна Ибрахим отвечает, что проводит время в странствии ради довольства Аллаха, в поиске истины. Начальник стражи, не поверив в искренность Ибрахима и желая выслужиться перед царем, в гневе ударяет путника. Это бесчинство не понравилось Харуну, сумевшему понять, что перед ним стоит не вор, не простой скиталец, а, возможно, мудрец или человек благородного происхождения. По повелению царя начальника дозора наказывают ударами. Трудно вновь не обратить внимание на традиционный фольклорный, народно-сказочный мотив. Национальным сказкам также свойственны многовековые мечты народа о справедливом, добром царе, который бы защищал слабых и обиженных людей. У Г. Кандалыя в данном случае царь Харун, наказывая нарушившего правила гостеприимства, выступил в роли справедливого правителя. Поэт также предоставляет читателю возможность обнаружения глубинной морали, поучительного смысла: не переусердствуй в служении власть предержащему, дабы не оказаться осмеянным и наказанным.

Будучи верен традициям гостеприимства, Харун потчует Ибрахима лакомством. Вместо того чтобы с благодарностью принять чашу с киселем из рук царя, дервиш лишь загадочно улыбается. Недоумевающий падишах пожелал узнать причину улыбки. Ответ дервиша прозвучал философски: слугу, который искал довольства царя, нещадно высекли,

а ему, ищущему довольства Аллаха, падишах собственноручно подает угощение. Ибрахим не принимает царского угощения, поскольку суфийский аскетизм, мораль дервишей отвергает всяческие дары и подаяния власть имущих. Харун проникается уважением к гостю и просит его остаться при дворе. Ибрахим вновь ответил отказом, обосновав свой выбор следующими словами:

Говорит: «Моля о прощении пришел ко Мне,
Все твои грехи известны Мне».
Поэтому с Ним мне необходимо быть,
Как же я останусь подле тебя?

(*здесь и далее подстрочные переводы цитат из поэмы Г. Кандалыя выполнены автором статьи*).

В поэме Кандалыя после вышеупомянутого эпизода (разговор Ибрахима Адхама с шахом Харун-ар-Рашидом) Ибрахим на расспросы хозяина отвечает:

…О Харун, знаешь ты меня,
Ибрахим, Балха царь я, -

и покидает дворец. Несмотря на то, что оба персонажа являются историческими личностями, в реальности они встретиться не могли: Харун-ар-Рашид жил столетием раньше, в 763/809 гг. [5, с. 72]. Это наглядный пример того, как биографии исторических личностей проникают в народное творчество, изменяются, «приукрашиваются», а затем перенимаются и литературой. Заметим, Харун-ар-Рашид является не менее легендарным персонажем: он известен по собранию ближневосточных арабоязычных народных сказок «Тысяча и одна ночь». По нашему мнению, образ действительно стал примером справедливого правителя в мировой литературе.

В известных нам хрестоматийных вариантах (среднеазиатских, персидских, турецком) сказаний об Ибрахиме этот эпизод не упоминается. Данный эпизод не присутствует в исследованном Е. Э. Бертельсом [1, с. 263] «Хилйат ал-аулийа» Абу Ну'айма, «Тазкират аль-аулийа» Фарид ад-Дина 'Аттара, узбекском дастане «Адхам-наме». Эта сюжетная линия не считалась достойной пристального внимания исследователей или имеется разница в сюжетах различных произведений? Почему эпизод с участием именно этих персонажей описан в произведении татарского автора? По нашему мнению, здесь немаловажную роль сыграли фольклорные традиции: к жизнеописаниям дервишей нередко добавлялись разнообразные «ходячие» легенды и притчи, призванные иллюстрировать их святость, отрешенность. К тому же оба персонажа, упомянутые Г. Кандалыем: Ибрахим ибн Адхам и Харун-ар-Рашид – хрестоматийные, популярные в народе. И по авторскому замыслу, и по канонам жанра назира, их интеграция вполне допустима в рамках литературного произведения. Данный авторский метод выявляет сильное творческое начало, неповторимый стиль татарского поэта.

Г. Кандалый не рассматривает своего героя в эволюционировании, не предлагает читателю череду «чудесных превращений» обычного, земного ибн Адхама в праведного суфия. В этом татарский поэт Г. Кандалый следует татарским традициям создания образов положительных героев. Обычно в татарских преданиях положительные персонажи с самого рождения наделяются благородными чертами как внешними, так и внутренними. Этим усиливается ореол святости персонажа, образ возвышается.

Одним из возможных источников татарской поэмы о личности Ибрахима Адхама является созданный, по мнению исследователей, в XIV в. турецкий эпос с одноименным названием «Ибрахим Адхам» [11, с. 28]. Сюжет турецкого дастана так же начинается повествованием о шахе:

Horasan'da var idi bir padişah,
Hükmü şarkdan garba geçerdi ey şah.
(В Хорасане был один шах,
Власть имел он от Востока до Запада, о шах).

В дастане внимание акцентируется на том, что шах Ибрахим был обычным земным человеком, не предавался размышлениям об абсолютной Истине. Коренной поворот во взглядах, затем и в жизненном пути шах совершил не сразу. Один раз он ночью, у себя во дворце увидел сон-откровение:

На крыше один человек ходит,
Шумно ступая, крышу ломает.
Ибрахим спросил: «Ты кто, эй, человек?»
Человек сказал: «Я твой смотритель верблюдов.
Верблюда изловить хочу, для этого вышел».

Увиденный сон лишил Ибрахима спокойствия. Несколько дней спустя, спокойно миновав бдительную стражу, к Ибрахиму наяву вошел странный человек. Не дожидаясь вопросов шаха, человек сказал следующее:

Караван у нас есть, должен прибыть.
В этом дворце должен переночевать.
Царь был обескуражен «бесцеремонностью» незваного гостя:
Это же мой дворец, как может
Караван переночевать на троне падишаха?

Гость ответил вопросом на вопрос: кому принадлежал дворец до шаха? Шах ответил, что дворец принадлежал его отцу. Далее следует диалог, из которого выясняется, что дворец прежде принадлежал отцу отца, деду отца и т. д., то есть не принадлежит ему, и никто из предков шаха не смог унести это богатство с собой в иной мир.

Чтобы отвлечься от тяжких дум, Ибрахим вместе со своим войском выезжает на охоту, где начинает преследовать оленя. В это время до шаха доносится голос: «Проснись! До того, как тебя разбудят, пробудись!» Потрясенный правитель встречает по дороге пастуха и отдает ему свои роскошные одежды, а сам в одежде пастуха уходит, куда глаза глядят.

Приведенный образ характерен для традиционной суфийской литературы. Пастухи, собиратели колючек, дров – привычное описание рода социальной деятельности дервишей. Внешне суфиев до сих пор изображают с вязанкой дров. Это означает, что они хлеб свой насущный добывают тем, что Бог послал.

Когда Ибрахим покинул трон, во дворце остались его жена и двухлетний сын. В турецком дастане сын скучает по отцу и, достигнув восемнадцатилетия, отправляется на его поиски. Однажды до принца доходит весть о том, что Ибрахим дошел до Мекки, стал аскетом и шейхом дервишей. Ибрахим зарабатывает на пропитание тем, что приносит с гор дрова и продает их на рынке. После долгих странствий, сын находит отца в Мекке. Встреча с сыном пробуждает в Ибрахиме отцовские чувства, по-своему он жалеет осиротевших сына и супругу, хотя внешне ее никак не проявляет. Более того, дервиш растерян и обеспокоен тем, что отцовские чувства могут отвлечь его от любви к Богу – для отрешенных от всего мирского суфиев это чрезвычайно важно. Отец обращается с мольбой о том, чтобы Всевышний разрешил эту ситуацию одним из способов: пусть либо сын, либо Ибрахим покинет этот мир. Сын Ибрахима тут же падает замертво – Всевышний внял мольбам дервиша. Дастан принимает трагический оборот, что объясняется требованием жанра эпоса.

В отличие от турецкой, персидской и узбекской версий сказания, в сохранившейся рукописи Кандалыя подобного повествования нет, не упоминается и семейное положение Ибрахима Адхама.

Поэма Г. Кандалыя содержит многочисленные зикры (упоминание имен и / или свойств Аллаха в одиночестве или коллективно (последнее – у суфиев) [5, с. 78] и молитв Творцу. Зикр, как и молитва, считается у мусульман благим деянием. Автор их называет мунаджатами. Зикр или, по версии автора, мунаджат Ибрахима Адхама в четвертой главе составляет лишь 14 стихотворных строк (из которых 11 – монолог главного героя), однако

именно здесь не только сформулированы смысл и цель жизни праведного суфия, но и сконцентрирована основная мысль всего произведения.

Когда в зикре Твоем, Всевышний, Милостивый
— Вот инжир и финик получаю я сполна…
Хозяин мой, зикр о Тебе заменит цветочную страну,
Зикр Тебя, о Истинный, заменяет волшебный сад,
Зикр Тебя, о Истинный, заменяет мне детей и родных,
Всего этого превыше Ты, этот мир и тот и Истину дарующий.
После данного монолога Ибрахим покинул этот мир.

Последующие главы, на первый взгляд, не имеют ничего общего с названием поэмы и главным ее персонажем: с Ибрахимом Адхамом читатель расстался навсегда, далее у Кандалый следуют не связанные между собой, казалось бы, отдельные главы. В пятой главе речь идет о маджлисе (собрании), из которого с позором был изгнан пожилой человек, одетый в лохмотья. Здесь повествуется о другом персонаже, вероятнее всего, дервише. Тем более, данный сюжет в мусульмано-суфийской поэзии достаточно распространен также и без привязки к конкретным образам.

В поэме заключена и скрытая оценка автором поведения персонажей, и система нравственно-духовных ценностей, которые были почерпнуты Г. Кандалыем из традиционной у татар религиозно-дидактической и суфийской литературы, из глубинных пластов народной мудрости. Кроме этого, данные главы объединены и продолжением темы Ибрахима ибн Адхама – глубоко верующего, праведного, терпеливого, скромного человека – идеала мусульманина.

Примечательна седьмая глава, которая так же следует от первого лица и более всего напоминает историю, произошедшую с самим поэтом. Странствующий в поисках знаний и жаждущий открытий, приключений молодой человек достигает одной деревни, где проживают выселенные за свои пороки люди. Поскольку наступают сумерки, юноша остается на ночлег в той деревне. Утром к нему приходят сельчане и детально расспрашивают гостя о цели его странствия. Задают вопросы: кто и откуда он родом. Сельчане вовсе не любезны с ним, показывают признаки недоверия гостю, требуют письменного подтверждения, что он родом из села Кандал. Путешественник не имел такой справки и, вопреки правилам традиционного у мусульманских народов гостеприимства, его затачивают в погреб, угрожая расправой. Через эту деревню проезжал некий купец, который, узнав о несчастье молодого человека, поручился за него и, заплатив выкуп, спас из заточения.

Одиннадцатая глава поэмы имеет заголовок «Автор совета советуется с самим собой». Название выглядит каламбурным только в переводе на татарский язык, ибо в оригинале автор использовал персидское афористическое выражение [8, с. 76]. Знакомясь с содержанием заключительной части, замечаем, что и здесь, подобно авторским отступлениям в «Мунаджатах», лирический герой рефлексирует. И если автор в «Мунаджатах» молил у Бога о прощении за свои земные грехи, то в «Авторе совета…» он концентрирует внимание на самоумалении. Данные главы несут назидательную функцию для читателя. Как это всегда было свойственно традиционной мусульманской-суфийской литературе, автор не рассуждает о недостатках других людей. (Вместо этого у суфиев практикуется маламатия, т. е. «самобичевание»). Лирический герой Г. Кандалыя беседует с Всевышним, и в этой беседе ему слышится серьезный укор: праведно ли ты живешь, вспоминаешь ли о том, для чего создан, человек? Лирический герой безутешен и безжалостен к себе, но у него имеется и надежда – на милость и прощение Создателя, что усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Мотив известных произведений на тему Ибрахима ибн Адхама сохранен и в то же время Кандалый использовал в «Кыйссаи Ибрахим Адхам» оригинальные приемы.

Резюмируя, можем отметить, что поэма «Кыйссаи Ибрахим Адхам» Габдельджаббара Кандалый содержит идеи мусульманской-суфийской поэзии о благочестивой и праведной личности в духе религиозной дидактики; о готовности суфия, не задумываясь, отдать свою жизнь на пути Всевышнего. В то же время творчество татарского поэта Г. Кандалыя отличается присутствием в универсальном для многих тюркских-мусульманских литератур сюжете именно татарских литературных и фольклорных традиций, оригинального творческого замысла и личных взглядов автора, некоторые новые сюжетные линии и детали. Отличия в сюжете касаются, в основном, принадлежности к татарской местности или описывают некоторые события, произошедшие с лирическим героем. Также в поэме татарского поэта содержатся зикры-молитвы Аллаху (автор называет их мунаджатами), символы традиционной мусульманской-суфийской поэзии. Важно и то, что в произведении Г. Кандалыя известные древние сюжеты переплетаются с мотивами татарского народного творчества, с традиционными жанрами татарского фольклора. Поэма «Кыйссаи Ибрахим Адхам» Г. Кандалыя, сохранив традиционные мотивы и идеи мусульманской-суфийской поэзии и религиозно-дидактической литературы Востока, стало самостоятельным, оригинальным произведением.

Литература

1. Бертельс Е. Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана / Е. Э. Бертельс. – М.: Наука. – 1988. – 558 с.

2. Госманов М. Г. Бер гомердэ ике чор / М. Г. Госманов // Кандалый Габделжэббар. Шигырьләр һәм поэмалар. Казан: Татар. кит. нэшр. - 1988. – Б. 5–67.

3. Садыйкова А. Х., Хәйретдинова Р. Р. XII–XX гасыр башы татар әдәбиятында дини фольклор: дәреслек. – Казан: КФУ, 2016. – 384 б.

4. Садыйкова-Башкурова А. Х. Ислам һәм татар халык иҗаты. – Казан, 2005. – 231 б.

5. Сафиуллина Р. Ф. Традиции фольклора в творчестве Габдельджаббара Кандалый. / Р. Ф. Сафиуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2020. -168 с.

6. Сафиуллина Р. Ф. Религиозная философия творчества Габдельджаббара Кандалый. // Габдельджаббар Кандалый: через призму современности / Сост. Ф. Ф. Хасанова, Л. Ш. Давлетшина; под ред. Р. Ф. Харрасовой. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – С.73.

7. Сибгатуллина Ә. Т. Татар дини-суфи әдәбияты: югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма / Казан: Казан университеты басмаханәсе, 2013. – 184 б.

8. Урманче Ф. И. Татар халык иҗаты / Фатих Урманче. – Казан: Мәгариф, 2005. – 383 б.

9. Хасавнех А. А., Мухаметзянова Л. Х. Своеобразие образов в романтической поэме А. Тубыли “О прославленном и знаменитом влюбленном Фархаде и его возлюбленной Ширин” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. Т. 14. № 7. С. 2017-2022.

10. Яхин Ф. З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф. З. Яхин. – Казан: ТДГИ нәшр. – 2000. – 268 б.

11. Türk edebiyatı tarihı//Vasfı mahir Kocatürk. – Ankara. – 1970. – S. 165-167.

12. Сафиуллина Р. Что дало татарам принятие ислама? // Ислам-ньюс. 7.06.2022 https://islamnews.ru/2022/6/7/chto-dalo-tataram-prinyatie-islama-v-kh-veke

13. Ибрахим Адхам // wikizero.com›index.php/ru/Ибрахим_ибн_Адхам

References

1. Bertel's E. E. Izbrannye trudy. Istoriya literatury i kul'tury Irana / E. E. Bertel's. – M.: Nauka. – 1988. – 558 s.

2. Gosmanov M. G. Ber gomerde ike chor / M.G. Gosmanov // Kandalyj Gabdelzhebbar. Shigyr'lər həm poemalar. Kazan: Tatar. kit. neshr. - 1988. – B. 5–67.

3.Sadyjkova A. H., Həjretdinova R. R. XII–XX gasyr bashy tatar ədəbiyatynda dini fol'klor: dəreslek. – Kazan: KFU, 2016. – 384 b.

4.Sadyjkova-Bashkurova A. H. Islam həm tatar halyk iҗaty. – Kazan, 2005. – 231 b.

5. Safiullina R. F. Tradicii fol'klora v tvorchestve Gabdel'dzhabbara Kandalyj. / R. F. Safiullina. – Kazan': IYaLI, 2020. -168 s.

6. Safiullina R. F. Religioznaya filosofiya tvorchestva Gabdel'dzhabbara Kandalyj. // Gabdel'dzhabbar Kandalyj: cherez prizmu sovremennosti / Sost. F. F. Hasanova, L. Sh. Davletshina; pod red. R. F. Harrasovoj. – Kazan': IYaLI, 2015. – S. 73.

7. Sibgatullina Ә. T. Tatar dini-sufi әdәbiyaty: yugary uku jortlary өchen dәreslek-kullanma / Kazan: Kazan universitety basmahanәse, 2013. – 184 b.

8. Urmanche F. I. Tatar halyk iҗaty / Fatih Urmanche. – Kazan: Mәgarif, 2005. – 383 b.

9. Hasavnekh A. A., Muhametzyanova L. H. Svoeobrazie obrazov v romanticheskoj poeme A. Tubyli “O proslavlennom i znamenitom vlyublennom Farhade i ego vozlyublennoj Shirin” // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. № 7. S. 2017-2022.

10. Yahin F. Z. Tatar shig"riyatendә dini mistika hәm mifologiya / F. Z. Yahin. – Kazan: TDGI nәshr. – 2000. – 268 b.

11. Türk edebiyatı tarihı//Vasfı mahir Kocatürk. – Ankara. – 1970. – S. 165-167.

12. Safiullina R. Chto dalo tataram prinyatie islama? // Islam-n'yus. 7.06.2022 https://islamnews.ru/2022/6/7/chto-dalo-tataram-prinyatie-islama-v-kh-veke

13.Ibrahim Adham // wikizero.com›index.php/ru/Ibrahim_ibn_Adham

---

САФИУЛЛИНА Рузия Фагимовна – к. филол. н., научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: rusafi13@yandex.ru

SAFIULLINA Ruzia Fagimovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Folk Art Department, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

УДК 398.221
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.11.77.006

Specifics of the dastan genre structure in variants of "Tahir and Zukhra" and "Leyla and Majnun": Creative techniques and their forms in Tatar romanic dastans

G. R. Khusaynova
National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
✉ gulnira2010@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study is due to insufficient study of the peculiarities of the structure of Tatar romantic dastans. The object of the research is romanic dastans featuring Tahir and Zukhra, and Leyla and Majnun, recorded or rewritten by informants in Tatar communities. The study also analyses other Turkic-language variants as well as medieval literary poems were attracted as background phenomenon. The purpose of the article is to consider the structural features of Tatar romanic dastans. In order to achieve this goal, the following tasks were set: the paths and stylistic tools in the Tatar dastans "Tahir and Zuhra" and "Leyla and Majnun" were identified, different variants were compared in terms of their contents and forms. In this article comparative and structural-descriptive research methods were used. The Tatar romanic dastans often use metaphors, epithets, epiphors, hyperbolas, and rhetorical questions. Despite the frequent use of expressive means, folklore variants are inferior to literary versions of these dastans. This is due to the fact that the monuments were simplified, passing from generation to generation.

Keywords: dastan, epic, Tatar people, hero, folklore, form, content, metaphor, epithet, hyperbola.
For citation: Khusaynova G. R. Specifics of the dastan genre structure in variants of "Tahir and Zukhra" and "Leyla and Majnun": Creative techniques and their forms in Tatar romanic dastans. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 42–55. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.11.77.006.

Специфика структуры жанра дастан в вариантах «Тахир и Зухра», «Лейля и Меджнун» (Творческие приемы, их формы в татарских романических дастанах)

Г. Р. Хусайнова
Национальная библиотека Республики Татарстан, Казань, Россия
✉ gulnira2010@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью изучения особенностей структуры татарских дастанов любовного характера. Объектом исследования являются романические дастаны на сюжет Тахир и Зухра, Лейля и Меджнун, записанные или переписанные информантами в территориях компактного проживания татар. В исследовании в качестве фонового явления привлечены другие тюркоязычные варианты, а также средневековые литературные поэмы. Цель статьи – рассмотреть особенности структуры татарских романических дастанов. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: рассмотрены татароязычные тексты дастанов "Тахир и Зухра", "Лейля и Меджнун", выявлены тропы и стилистические средства, сопоставлены разные национальные варианты в плане содержания и формы. В данной статье применяются сравнительно-сопоставительный и структурно-описательный методы исследования. В татарских романических дастанах часто используются метафоры, эпитеты, эпифоры, гиперболы, риторические вопросы. Несмотря на частое употребление средств выразительности, фольклорные варианты уступают литературным версиям этих дастанов.

© Г. Р. Хусайнова, 2023

Это объясняется тем, что изустные памятники упростились, передаваясь из поколения в поколение.
Ключевые слова: дастан, эпос, татарский народ, герой, фольклор, форма, содержание, метафора, эпитет, гипербола.

Для цитирования: Хусайнова Г. Р. Специфика структуры жанра дастан в вариантах «Тахир и Зухра», «Лейля и Меджнун» (Творческие приемы, их формы в татарских романических дастанах). Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 42–55. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.11.77.006.

Introduction

One of the main criteria of a work of art is the internal unity of its content and form. Form and content are theoretical concepts of literature, inextricably linked. The content is the basis, the essence, which determines the qualitative features of animate and inanimate objects and manifests itself in all its elements; the form is the mode of existence, internal structure and appearance of the content. The analysis of the content and form of literary works distinguishes its external and internal sides, which are in organic unity. Referring to the content and form terms as the idea and structure respectively, Yury Lotman wrote: The idea is not contained in any, even well-chosen quotes, but is expressed in the entire artistic structure. Researchers sometimes do not understand this and look for the idea in separate quotes, looking like a man who, having learned that the house has a plan, would start breaking down the walls in search of the place where the plan is sealed. The plan is not walled in walls, but implemented in proportions of the building. The plan is the idea of the architect, and the structure of the building − its implementation [4, p. 500].

The main part

Let us turn to the content structure of the works to the Tatar variants of dastans “Leyla and Majnun” and “Tahir and Zukhra”. Since in the dastan contents the recorder or narrator conveys what he wants to convey to the reader, to express his attitude to the world around him, the main focus is on the idea, theme, problem and pathos of the work.

In any work of art, the author first describes the experiences or similarities of life, but created by the author, the situations and characters, their relationships, man’s relations with the environment or society, nature, everyday life, etc. Such material constitutes the objective content of the work, connects the reality of life with the reality of the work.

It is known that the themes of the work are divided into several varieties. The Tatar romanic dastans are based on themes common to all times and peoples. The themes of love between heroes, faithfulness, life and death, beauty, fathers and children all come together in a common, big theme. Whatever love dastan we take, all the above themes appear.

In Tatar dastans, it is important to reveal on the material of the work actions sharply opposing each other. In the epics “Leyla and Majnun” and “Tahir and Zukhra” problems of both public and individual are raised. We discovered the existence of problems of justice, social and natural inequalities, moral problems. Consider the problem of equity.

Parents oppose the relationships of the main characters in the researched dastans. This is especially evident in the dastans on the story of Tahir and Zukhra. The agreement that children not yet born at that time, after birth, will be betrothed, over time ceases to be valid. Tahir and Zukhra, unaware of their long-term betrothal, grew up communicating with each other. As adults, they continued to communicate. When strangers dedicated the young people to the mystery of their birth, the relationship between them changed. Zukhra’s relatives, who disagreed with this relationship, opposed it. It was this resistance that led to the tragedy of the immediate, childlike, trusting young man and girl. Despite the fact that the main idea of the dastan was the affirmation of eternity and immortality of love, in parallel with the moral that the vows cannot be broken. Thus, we believe that the ruler’s unholy attitude towards Tahir raises the problem of injustice.

The story of Leyla and Majnun also reflects on the justice issue, but it does not form the main line, unlike the conflict in the dastan about Tahir and Zukhra. Blazing love for Majnun, against her will, Leyla becomes the wife of another. This shows the injustice of the father towards his daughter. But Leyla solves this problem in her own way: Ibn Salam does not admit himself, thus, in her opinion, retains Majnun's loyalty. What matters is that the husband agrees with Leyli's position.

When we talk about social problems, we mean phenomena related to individual aspects of social and political life. This problem may include the unequal position of heroes in society. In almost all works based on the love story of Tahir and Zukhra, this problem comes to the fore.

Tahir is far inferior to Zukhra. The son of a man who once held the position of a vizier, on medieval grounds, cannot be a groom for a khan's daughter. In some variants the image of the vizier appears in the image of the khan of another state. In this case, the young man comes from an aristocratic family, but in the opinion of Zukhra's father, the boy, orphaned in childhood, is also not worthy of a girl of a higher class.

In the Leyla and Majnun stories, Majnun usually stands on the social ladder above Leyla. And in some variants, they are equal to each other in status, and are presented as studying in the same madrasa a boy and a girl. It should be noted that the stories of unequal social status of lovers or mesalyans with different outcomes are described in literature and folklore of different peoples quite often. For example, in the "Erek and Enida" novel by French writer of the 12th century Chrétien de Troyes, the main hero Erek is a son of a famous and rich nobleman. Enida was born into a family of impoverished nobles. Nevertheless, the social inequality of the characters in the novel does not give rise to conflict, the boy and the girl on the way to their happiness meet no obstacles [5, pp. 118-124].

As we noted above, there is no social contradiction between Leyla and Majnun. In the finale of the work Leyla was widowed, and it would seem that the reader was given hope for the possibility of another meeting of lovers. However, according to the canons of the genre, the romanic dastans are characterized by the tragic outcome of love of young people, so their relationship is initially doomed to misery.

Let us focus on the problem of natural inequality, which is contrasted with the relationship between Leyla and Majnun. A fine, educated young man, the son of the tribal chief Leyla fell in love with, couldn't handle the love feelings he had and lost his mind. Previously healthy, Majnun lost his mental health. A young man in love composes baytes dedicated to Leyla, every day comes to her house and sings them. The father of the girl did not want the word spread about his daughter. When Majnun and his relatives come to ask for the girl's hand, the father does not give his consent. Despite the noble origin of the young man, it was considered insane to pass off his daughter as a mentally ill man. was willingly married to a healthy and wealthy Ibn Salam. In this situation, the problem of natural competition between Majnun and Ibn Salam is obvious.

Unlike the epics written in the language of the novels, the Tatar romanic dastans are distinguished by their lack of posing moral problems. For example, despite the fact that lovers are intoxicated with love spend their days together, their relationship never violates moral norms. It should be noted, however, that Kurmasha's version of the song talks about Zukhra's desire to kiss Tahir. But the young man rejects the girl's desire. Angered by the incorrectness of the girl, Majnun, in anger, does not notice how he raises his hand to her:

Әлкыйсса, Зөһрәнең шулкадәр мәхәббәте артты кем, намус вә ихтыяр кулыннан китте вә көндез Таһиргә тыныч лык бирмәс булды. Никадәр улса да, асла йөзенә карамас иде, бу минем карендәшемдер дип белер иде. Янә бер көн Таһир йоклар иде, Зөһрә янә килеп агызыннан бүсәләр алды. Уйганып:

– И әдәпсез кыз, синең әдәпсезлегең, – дип ачыйгаланып, Зөһрәгә кул озатты [14, p. 209].

Zukhra's love grew stronger, her conscience and will she forgot, deprived Tahir of rest. He did not look at her face, kept thinking that they were family. Once Tahir slept, Zukhra

came to him and kissed his mouth. He woke up: “Oh, shameless girl, you are immoral,” and swung at it).

The strictness of the requirements of Sharia, as well as Puritan manifestations in feudal society are such that the frequent communication of young men and women, their spontaneity and inability to hide their feelings are perceived by the people as something of shame. But the love of the heroes of dastan differs from the love epics-stories common in the world literature in that the feelings of Leyla and Majnun are extremely pure. Heroes do not think of sins of the flesh. These dastans are close to the epic works of the ethological genre that have been common since ancient times in Eastern, European and Russian literature. The ethological genre includes works in which educational and moral qualities come to the fore [8, p. 175].

According to the emotional mood in Tatar romanic dastans sounds tragic pathos. Tragic pathos, having brought contradictions between human consciousness and reality to the highest point, leads to death. It is the struggle of an individual or group of people to protect loved ones, freedom, happiness, beauty, universal values [1, p. 16]. The heroes of the Tatar romanic dastans live on the command of the heart, therefore they rush between public canons and duty, suffer the bitterness of loss. In other words, this phenomenon can be considered a tragedy of the individual. Heroes in love are strong, but they are unable to resist the tests of fate, as well as higher powers and laws, and therefore face a tragic outcome.

The Tatar romanic dastans are not works reflecting the everyday problems of the people or historical events. In them the main attention is focused on the feelings and experiences of lovers, on their outer and inner beauty, on the fight against the unjust laws of society. At the same time, they show that the Tatar people knew well the works of literature and folklore, understood their morals, could use them correctly and properly.

In the spirit of love, the Tatar dastans sometimes have an interesting form of communication between the main characters, which is one of the features of the syntactic organization of the artistic speech of the texts. The artistic integrity of the work suggests that the content can exist only within a suitable form, corresponding to the author’s design. Therefore, along with the consideration of the content of the artwork, research and its structural organization becomes important.

The poetic speech of the texts attracts attention by the fact that lovers communicate, not simply exchanging simple sentences, but with the help of baits. The heroes' explanation of love, the crying motives, are transmitted by these two-line bays.

...Мин бу михнәт баласымын кем, замана даясе,
Туганымнан бирле имезә ул шәрабтан аерылу.

Яндырырмын гөрләтеп ут, мәхшәр–гарасат көннәре
Күкрәгемнән китмәс әгәр бу авырлык–аерылу [14, p. 176].
(... I am the child of suffering, the present nurse,
This drink will feed me the separation from birth

I’m gonna light a fire, end of the world,
If the pain of separation does not disappear from the chest)

The term «bait» came from the arabic language and means “көйләп әйтү” (to speak melodiously) or “көйле хикәят” (humming story). It is known to have two definitions. The first meaning is a verse consisting of two lines, or rather half lines (two misragas), in the arab-persian and written poetry of the turkic peoples. In Eastern poetry, the genres of gazelle, kasyda, mesnevi are usually written in the form of bayites. The second meaning is one of lyro-epic genres, a work created in connection with tragic and heroic events, instructive and extraordinary events.

As far as eastern poetry is concerned, it is true that the literary versions of the dastans we study often have double-track gazelles and kasidas. Nizami Ganjavi refers especially to these

genres in his poem "Leyla and Medzhnun". And "Dastan Babahan" of Sayadi is also a work consisting of two-stranded. In our view, the Tatar romanic dastans, being works describing instructive and sad events, the love of two unhappy creatures, correspond to the second meaning of the bayt. In addition, the motives of weeping are presented in the same bays, and this proves the correctness of our thinking.

However, among the Tatar romanic dastans there are cases when the declared narrator of the bayite does not have a mandatory condition − double-stranded (on the plot of Tahir and Zukhra). In fact, the lines of the poem are composed of more than one size, i.e. no rhythmic system. An example of this was found among books received in 1973 from a resident of the village Old Menger of Arsk (now Atninsk) district Fatiha Hasibullina (1903):

Һавадин болыт күчәр һай,
Уйкум[1] күземдин очра һай,
Залим Таһирны күрең һай,
Зөһрә син салып качар[2] һай.
Кил һай, сөвгән ярым һай,
Бер вафа[3] сөвдем сине, сүкмә мине һай [13].

(Cloud floats through the sky, hi, / Do not sleep me, hi / See evil Tahir hai, / Zukhra will leave you and run, hi, / Come my lover, hi, / Faithfully loved you, do not scold me, hi).

It should be noted that cases of inconsistency of poem sizes in Tatar romanic dastans are frequent. A striking example of this is "Ләйлә белән Мәҗнүн" ("Leyla and Medjnoun") in the processing of B. Urmanche. This dastan was originally written in arus, but after the changes this size was not retained in every bait. For example, the dimensions are fifteen by fifteen (рамәл-и мусаман-и махзуф), twelve by twelve (рамәл-и мусаддас-и махзуф), eleven by eleven (рамәл-и мусаддас-и махзуф) and shorter. Here is the line fifteen to fifteen:

И, нәсим, җанны сихерләп, кайдан исеп киләсең?
Былбыл и, кундың бу талга, ни хәбәрең бар сәнең? [14, p. 177].

(Oh, light breeze, enchanting soul, where do you blow from? / Nightingale, you sat on a willow tree, what news have you brought?)

Twelve by twelve:

Үз хәленнән булыр һаман гашыйк сүзе,
Булмас әйтергә торырлык җитди сүзе [14, p. 204].

(In love in the tongue only love, / Nothing serious from him to hear).

It cannot be said that the constancy of size is maintained from the beginning of the work to the very end. In some bayites there are sizes sixteen on fifteen, nine on ten, eleven on nine.

In the works of a famous poet, poems are formed by a certain size. For a variant saved in the author's performance and related to folklore − this is a familiar picture. Such inaccuracies are often observed in the romanic dastans, which have been copyrighted (works on the plot of Leyla and Majnun, variant of M. Yumakichov's dastan "Shahsenem and Garib" and others.).

In some variants there are cases of use instead of the bayt nazym (nyazym). In translation, it means 'pearl-making'; measured, rhymed, ordered speech; poem. These lines in the work serve as a bayt. They describe the emotional state of the character, his experiences due to the hopelessness of the situation.

Таһир, төшең кара икән, мөшкел эшең бар икән,
Гарип башың кыенлык күрер көне бар икән.
Күргән этең дошман ул, арамызга төшкән ул,

1 Уйкум – my dream
2 Салып качар – will run away
3 Бер вафа – faithfully

Икемезне күзәтеп, күп серләрне чишкән ул.
Сине миннән аерыр ул, канатымнан каерыр ул,
Моңлы башлы гарипкә күп золымнар кылыр ул [14, p. 216].

(Tahir, your bad dream, your predicament is difficult, / Your poor head is going to have difficult days. / Dreaming dog is the enemy that has come between us, / Watching us, he has solved many mysteries. / She will break you from me, break my wings, / He will bring much grief to the sad man).

As you can see, the conversation between the characters takes the form of dialogue. The narrator only tells the story, but the feelings and experiences of the characters reach the reader through rhymed lines transmitted by a bait or a namesake.

In the world literature and folklore as an objective factor there are different images existing along with mankind. They are like animated symbols. They are called eternal images. National images are national, regional and international in origin and prevalence (Danko, Gazinur, Hoja Nasretdin). And as for Leyla and Majnun, Tahir and Zukhra, they are the heroes of great love. And this ability to feel their love raises them to the top of eternal images. And if the heroes are benevolent, remain faithful in love, then the work is even more elevated, becomes significant and fascinating. The fate of the images of the work in the field of literature is determined not only by positive features inherent in the character, but also by the free use of visual means.

The means of artistic expression of speech in romanic dastans are not limited to syntactic constructions. In any work, paths are used to explain the figurative meaning of words through connections between objects, paintings, phenomena. Using different forms of paths, it is possible to achieve clarity in the description of pictures, phenomena, people, more convex image of their properties and qualities. As you know, the most common widely used paths include such visual means as comparison, epithet, metaphor, metonymy, hyperbola, litotes, etc.

In the poetic speech of Tatar romanic dastans these means are widely used and carry their functional load when describing the main characters of works. Moreover, it is believed that they are more than in other genres of folk art. In the Tatar romanic dastans, when describing the portrait of a lover character, there is an appeal to animate and inanimate paintings and objects. The epithet metaphor, i.e. metaphor epithet, is particularly used. For example, in the version of dastan rewritten by Baki Urmanche, the beauty of the newborn Kais (Majnun) is described as follows:

Бер көн хак тәгалә рәхмәте берлә хатыны хамилә булды. Вакыты тәмам булып, ай пәрасе кебек бер һилал (яңа туган ай) кашлы углан дөньяга килеп, атасы вә анасының күзләре айдын (күзләре нурлы булу, балку) булы, хакка күп шөкерләр итеп, куйлар вә дәвәләр корбан итеп, фәкыйрьләргә өләштеләр [14, p. 177].

(One day, with God's help, his wife became pregnant. At the end of the term, a boy with an eyebrow was born, his parents' eyes shined, they thanked Allah, sacrificed many sheep and camels, distributed to the poor people).

«Һилал» in the meaning of the young moon, «айдын» − phonetically changed form of the word «айлы».

Another example of using metaphors from the same manuscript:

Көннәрдән беркөнне Кайс Ләйләгә ала күз[4] илә бактыкта күрде кем, рөхләре[5]гөл, сачe сөмбел, бәге гамбәр[6], кашы камәр[7], гамзәсе[8]хәнҗәр, күзләре мәхмүр[9], сим[10] тәне кафур[11], бәдәне бер маһитаптыр[12] ки, көннән көн чибәрлеге артмакта [14, p. 175].

4 Ала күз – big beautiful eyes
5 Рөх – face
6 Бәгы гамбәр – scented hair
7 Камәр – moon
8 Гамзә – blinking
9 Мәхмүр – antimony
10 Сим – silver
11 Кафур – camphor
12 Маһитап – moonbeam

(Once Kais looked at Leyla, his eyes wide open, and saw a face like a flower, blond hair, fragrant scent, crescent eyebrows, shooting eyes as if closed, a body as white as an amphora and silver, all radiant as the moon, and day by day she became more beautiful)

Note that the characters' external data are compared with the moon, dagger, flower, hyacinth. Especially interesting is the comparison of the hero's face with the moon. The moon and its rays are mentioned several times in the same context. In the version of A. Urazayev-Kurmashi on the plot of Tahir and Zukhra, when describing the portrait of the boy, the same way of comparison is used:

Кызы такы сандыкны ачып бакты ирсә, танә гүзәл зиба, падишаһ сыйфат, йөзе ай кеби егет чыкты.

(...The girl opened the chest and saw a beautiful, slender, lunatic young man with royal features).

Praise of the hero's appearance and comparison of his face with the moon is observed in all literary versions of dastan.

All the nobles, all the princes,
And a camp of silver, a mouth of honey;
Name your moon face − a wonderful face:
Rose in the flames, snow in the blood! [7, p. 204].

Comparison of the faces of the main characters with the moon is quite common in turkic literature. According to A. Sadekova, this phenomenon dates back to ancient turkic folklore and literature [9, 199]. In the poem by Kutb "Khosrov and Shirin" Khosrov refers to the armenian ruler with the words "Эй, ай йөзлүг" [3, 83] (Hey, moonlight); in the poem "Kisekbash", the appearance of Kisekbash's wife also resembles the moon [2, p. 10]; in the dastan by Saif Sarai "Gulstan bit turki", the main heroine Guldursund is so beautiful and lunatic that even angels can go astray [10, p. 5].

The Tatar people have many names associated with the moon. The meaning of these names indicates that the people bearing this name have a beautiful face. In the Tatar dastans, baits and songs, the names Ai-sylu, Ai-gul, Ai-nur, Ai-ziryak and others are often found. In our view, comparing the appearance of a person with the moon is a characteristic of the Tatar mentality, and at the same time is often used in the literature of the peoples of the East.

Often in the handwritten love dastans there are stylistic figures created by excessive exaggeration, exaggeration of strength, appearance of the hero, giving an unusual character to the events and paintings [11]. These definitions correspond to the visual medium of language - hyperbole. This path is often used in popular genre of folk art – the fairy tale. The fact that in fairy tales the heroic heroes have immense power and defeat the villains 'with one swing' is similar to the heroes of the Tatar epic.

Another important role of hyperbola in Tatar romanic dastans should be emphasized. The use of this visual medium makes it possible to define the idea of the work, anticipate the wishes and aspirations of the characters in advance. As you can see from the stories of love dastans, the state of love fundamentally changes the life of the heroes, their worldview. Obedient, always obedient to their parents, children suddenly lose their sense of embarrassment, cease to perceive, hear dissatisfaction and lecture from adults. This infatuation sometimes leads to tribes starting to feud, and heroes sometimes lose their reason [14, p. 176]. The exaggerated convex depiction of a sense of love suggests the existence of hyperbola in the work. And it is not only a visual medium in the dastanas on the plots of Leyla and Majnun, Tahir and Zukhra, but is characteristic of every novel dastan.

In literary versions of romanic dastans the degree of use of hyperbola is even higher. Oriental poets are able to describe every positive trait of heroes, especially the description of love. Here is how Fuzuli describes the love of Leyla and Majnun:

Their nature has now become one,
One soul lived in both.

There was a conversation with Kais,
But Layla was in charge of him,

And if they were waiting for Leyla to answer,
Kais spoke. This was normal.

They taught loyalty a lesson
The fire of love burns them more and more.

So when Leyla wanted to read,
I wasn't looking at a book in Kais.

Drawing, saw Case's favorite eyebrow
Love made her a doctor [Fuzuli].

Therefore, it is hyperbole that raises the love feeling to the level of greatness and immortality, making the work even more fascinating. It is believed that among the Tatar dastans preserved in the manuscript state, the most commonly used stylistic figure is the epiphor. As you know, the epiphor at the end of the poem line, namely repetitions bring to the work a revival, add emotion:

Сөйгәнем бер хан, садәфтәге данә икән:
Гыйшык дәрья төбеннән алганым бер дан икән.
(My beloved is the khan, he is the pearl,
From great love I have only memory left)
Үз хәленнән булыр һаман гашыйк сүзе,
Булмас әйтергә торырлык җитди сүзе [12].

(He says(a) only about love, / you will not hear him(her) say serious words).

The epiphor also appears in poems with the title of the song "Tahir-Zukhra".Here is how the lines rewritten by R. Yagafarov from the notebook of Talgia Buranganova in the village of Ikenche Erzhan Bardym district of the Perm region sound:

Кара нәркәс күзләрең, балдан татлы сүзләрең.
Кызыл гөлдәй йөзләрең күрер көнем булырмы?

Кара болыт башымнан китәр көнем булырмы?
Карагайлы кара урман үтәр көнем булырмы?

Кайгыларның башымнан китә көне булырмы?
Михнәт китеп, рәхәтлек җитәр көнем булырмы? [12].

(Your black eyes, your words are sweeter than honey. / Face like a flower, will I ever see? / Will this black cloud leave my soul? / Will I be able to come out of the dense forest? / Will my head leave these sorrows? / Will I see a joyful day when I leave the suffering).

As you can see from the example, it is in dastans and songs on the plot of Tahir-Zukhra epiphor used especially often. In our view, this is a stylistic feature characteristic of dastan.

Rhetorical questions are also common in the bays or other verses of handwritten romanic dastans. This stylistic figure allows a stronger grip on the reader and gives the narrative a unique tone of intonation. The rhetorical question does not require an answer, on the contrary, the question with its lofty pathos sounds like convincing proof. The lines, which sound like a rhetorical question, are characterized by intonation of exaltation:

Нинди гаҗәп туй икән, адәм белмәс уй икән?
Ярым күрер көнемдә, кыямәттәй туй икән?
Килер дигән әманәт хыянәткә охшайды,
Күп җыелган җәмәгать кыямәткә охшайды [14, p. 238].

The rhetorical question is also addressed to the addressee:

И нәсим[13], җанны сихерләп кайдан исеп киләсең?
Былбыл и, кундың бу талга, ни хәбәрең бар сәнең?

(What is this feast, what is it, something unthinkable? / Thought meeting a lover, and this feast during the plague? / The expected good turned out to be a betrayal, / Assembled people are like light-giving).

We have reviewed only the most frequently used words of artistic-visual means of poetic speech. In fact, there are quite a lot of stylistic figures and paths in the romanic dastans. We chose only those that play an important role in the emotional sound of the work and are often usable. Among the means of artistic expression in addition to paths and stylistic figures is not the last place occupied by lexical means. The dastans we studied often use archaisms, historical words, and dialectics.

There are many archaisms in Tatar romanic dastans. Some of these words differ from modern ones only by phonetic structure, others were once in active use, but for today's reader look outdated. Therefore, manuscript dastans without literary processing by textual specialists cannot be offered to the ordinary reader, because created or rewritten several centuries ago today they are undoubtedly difficult to read and perceive. Thus, in the handwritten dastans, the peculiarities of the language characteristic of a certain epoch remain unchanged.

There are relatively few archaic words in the learned dastans, but certain preserved phonetic and morphological features of the dialect are transmitted by the informant. Naturally, the narrator adapts the plot of the work to modern language, describes in simple words. Consider the colloquial (prosaic) form of one of the love dastans. This dastan on the plot Tahir-Zukhra was recorded from Sabira Gainetdinova (1907) in the district center Konshak of the Chelyabinsk region [12]. The informant, clarifying: "To tell as in a book? Or to tell a short story?" summarized the plot. That is, the narrator is familiar with the literary version or handwritten version of the work, but is limited to the retelling of the dastan in the form of a simple story. From the baits she utters lines "*Әйдәң, кызлар, йөгерешәек, энҗе-мәрҗән сибешәек»* (Come on, girls, let's run, let's scatter the pearls). The dastan features dialect peculiarities of the area.

When researching the artistic organization of the work, one should also pay attention to the structure of the text. In this regard, interesting are the readings, which is one of the little-studied areas of the poetic romanic dastans. In literary studies the term is read (the introductory part of the work) came from folkloristics, where it was presented as a "part of an epic folklore work that precedes the exposition". As with other genres of folk art, the beginnings of romanic dastans begin with the preparation of the reader for the hearing of any extremely fascinating adventure content. However, in Tatar love dastans there is a characteristic characteristic only for them. Already in the first sentences we are talking about several storytellers of dastan in the third person, i.e. if in the folklore genres about the events occurring in the work, narrated by a single narrator, in the romanic dastan there is a reference to other characters.

13 Нәсим– light mild wind

As an example, let us cite a passage from the dastan on the plot of Tahir and Zukhra, rewritten by A. Urazayev-Kurmashi: "*Равиани асар вә накыйләни дөр нисарь шундаг риваять вә мундаг хикәят кылырлар кем, заманы әүвәлдә бер олуг вә мәшһүр падишаһ бар иде"* [14, p. 206].

("People call works that tell about different events: in former times there was a great and famous padishah").

Translated from arabic, the word "rawi" means "narrator". "Равиани асар вә накыйләни дөрь нисарь" means "storytellers about various works" [14, p. 206].

A similar picture is observed in one of the dastans on the plot of Leyla and Majnun. The proposal changes somewhat, but the meaning remains the same.

Равияни әхбар вә нәкыйлани асар, риваять итәләр кем, үткән заманнарда гарәп кабиләләреннән Бәнигамир дигән кабилә бар иде. Халкы җөмлә диләвәр вә яран булып, мал һәм ризык ияләре булып, башка кабиләләрдән аерылып тора иде [14, p. 174].

(It is said that in ancient times there was a Benigamir tribe among the Arab tribes. His people were known to be brave and friendly. They owned cattle, gifts of land and this differed from other tribes) [15, p. 221].

This version of dastan on the plot of Leyla and Majnun is divided into several parts. Each part has its own title depending on the content. Interestingly, the first sentence of each part begins with the words "риваять улыныр ки...". If translated into the modern Tatar language, it turns out "it will be a legend...". Let us find out the main meaning of this word. The word arabic, persian, and some other turkic languages expresses different meanings and is often used as a synonym of words: legend, *тарих* (history), *истәлек* (memory), *сөйләк* (short oral story), *хикәят* (tale, legend), *әкият* (fairy tale), *уйдырма* (fiction), and *мәсәл* (fable). The riwayat tells the story of distant, intergenerational events.

Let's return to the dastan. In the handwritten romanic epic there are cases when the word "rawi" is replaced with the word "riway". A similar picture is observed in the literary poems. Let's take as an example dastan "Saifulmulyuk", created by the poet of the Mejlisi:

Put together a storyteller of words saying,
Having seen Sultan Mahmud-nahush. [Majlisi].
Nizami also refers to the narrator:
Narrator, before we begin,
He began to drill and pick up pearls of words.
Once lived in Arabia alone
The great husband, the Arab lord [7, p. 300].

In this regard, L. Mukhametzyanova writes the following:

"... The use of these means in the dastan "Leyla and Majnun" can be defined as a style that creates the impression that this work was pronounced by a storyteller. Such techniques have become a tradition in Tatar romanic dastans. But it is impossible not to notice the close interweaving of the oral epic tradition with the poetic style of the artistic word of the medieval East. With the image of the rawi, i.e. the narrator of the hikayats, literature is well known through medieval oriental writings" [6].

Based on the given examples, it becomes clear that in the Volga region, where Tatars lived, not only stories of astern poems, but also arabic and persian words from these works have penetrated. These words are especially often present in the recitation of the dastan itself or at the beginning of its parts. The style and peculiarities of medieval literature present in the beginning of the sastan and in its vocabulary show that the love epics we studied were closely related to literature.

It is also important to add that the works of the Middle Ages, which are literary versions of Tatar dastans, begin from the very beginning with the words of the praise of Allah.

As F. Jahin writes, in medieval Tatar epic poetry, the praise of Allah was widely used as a traditional description of his qualities. Not only in religious works, but even in the world-famous poem "Kissa-i Saifulmulyuk" noted by us such poems are present. In fact, such an introduction was not limited only to propaganda of the reader's moral foundations, but also gave rise to a positive attitude of the broad public to the work [17, p. 7].

As for the book dastans located between literature and folklore, for them this feature is not characteristic. In this variety of dastanov already in the introductory part the main attention is paid to lovers and the description of events related to their feelings. This feature puts the Tatar romanic epic in line with other genres of folklore. In particular, some manuscripts are reminiscent of the genre of fairy tales. They cannot be separated from Tatar tales. In our opinion, these works, transmitted by word of mouth, or rewritten, over time, adapting to the national conversation, to a certain extent simplified, and borrowing, penetrated from sources, in this case, devalued.

As mentioned above, the romanic dastans are closely related to the famous poems of prominent representatives of literature Jami, Fuzuli, Nizami, Navoi, Majlisi. In other words, it is individual writing, an area closely related to literature. And this is the main difference of dastan genre from other folklore genres, for example, myths, fairy tales, bayita, munajata, rivyata, aphoristic and ceremonial folklore. But the peculiarities of Tatar romanic dastan are not limited to this. These works are interesting in that within one dastan another dastan is mentioned, i.e. in handwritten texts describing the love story of young people, the characters of other romanistic dastans penetrated. For example, in one of the dastans on the Tahir-Zukhra plot, the advice and warning of dervish to future fathers, i.e. to the king and vizier is described as follows:

Әгәр дә бер-береннән аерсаңыз, башларына Фәрһад илә Ширин, Ләйли илән Мәҗнүн, Арзу илән Канбәр, Вамику илән Гарәр, Вака илән Гөлшаһ башларына килгән хәлләр шикелле гаҗәп хәлләр килеп, кыямәткәчә телләрдә хикәят улып сөйләнер ди [14, p. 208].

(If you separate them, they will experience what happened to Farhad and Shireen, Leyla and Majnun, Arzu and Canbera, Waiku and Garar, Waka and Gulshah, and the Hikayats will make up about them until the tragic end).

As the example shows, dervish, in order to avoid unhappiness, warns future fathers in advance, informs about the possible repetition of the tragic fate of Tahir and Zukhra − the heroes of a common Muslim work in case of separation of lovers. But despite the warning of the dervish, the king does not keep his promise and opposes the love of lovers. It is the breach of this promise, according to dervish, that causes the tragic ending of young people's love. At the end of the dastan, the names of the heroes in love, which were said earlier, reappear:

…Таһир илән Зөһрә, Фәрһат илән Ширин, Ләйлә белән Мәҗнүн, Арзу илән Канбәр, Варика илән Гөлшаһ – бонлар бер-беренә хакыйкать гашыйклардыр. Ахырыл-әмер һәркайсы муратларына җитә алмый китмешләрдер. Бу фани дөньяда кыйссаларны гыйбрәт өчен вә укучылар дога кылмак өчен калдырмышлардыр [14, p. 248].

(... Tahir and Zukhra, Farhat and Shirin, Leyla and Majnun, Arzu and Canber, Varika and Gulshah are truly in love with each other. But in the end they left without having achieved their goal. In this mortal world we left a cautionary example for the readers to pray for them).

A. Urazaev-Kurmashi adds Tahir and Zukhra to this list of lovers, tells how they in this world did not find happiness and died young. He claims that the story of the lovers will be created to be a lesson for the new generations, so that people can pray for them.

The appearance within one dastan of the heroes of another dastan is observed in the dastan «Shahsen and Garib». In this work there is no image of dervish at all, and only at the end of dastan appears something similar:

O Allah, making the lovers happy with the achievement of their aspirations as Yusuf and Zuleiha. Amin). [15, p. 341].

It also tells the story of how a boy and a girl died when they were young. The main characters are in the same row with Yusuf and Zuleiha. As you know, the love of Jusuf and Zuleiha at the end of the work turns out to be a happiness. Among the romanic dastans it is quite rare. As a rule, at the end of the dastan lovers await a tragic ending with a fatal outcome for the heroes. Shahsen and Garib in this world were not meant to be together, so at the end of the prayer is given with the wish that all lovers in this world will find happiness, like Yusuf and Zuleiha.

The above examples are interesting in that the scribe or narrator draws conclusions from religious views of events. The passages we have reviewed also end in prayer. The author's compassionate attitude towards religion and the tragedy of the young people is felt in them. In general, the peculiarity of Tatar romanic dastans is that they are more influenced by Islamic ideology.

Mention within one dastan of the heroes of another dastan is also observed in literary versions. Sometimes the author mentions the names of several couples. For example, for the vivid imagery in the poem «Leyla and Medjnun» Nizami uses the appearance of Jusuf as an object of comparison:

When the morning East wakes up,
King with Yusuf face comes on time.
Another example with the same hero:
So a dream to Zuleiha invited wives
Yusuf's beauty was fascinated,
That in the sight of beauty,
Forgotten the lemon, cut the fingers [7, p. 308].

In the same poem the author refers to the work "Vamik and Azra", which goes back to the Greek novel:

So he walked in the sand, hiding his tears.
By Azra, Vamik, who was yearning,
So, taking a little piece of junk with him,
Turk and a caravan wander nomadic [7, p. 300].

In this place, it should be noted that the mention of lovers in the Tatar folk version serves as an early warning to parents, a description of the history of tragic love, and in literary poems this picture is used to describe the main characters even more beautiful. Preserved in the national memory as heroes with tragic fate, they formed as ideal images of lovers. When the story of the characters is told, the names of heroes with similar fate are mentioned again. In our view, the people who correctly perceive the idea and morality of dastan, imbued with the idea that "lovers cannot be separated", assessed the events of the work or the real reality, based on this idea.

Conclusion

Summarizing the above regarding the structure of the Tatar romanic epic, we arrive at the following conclusion: if there are elements of folklore in the content and form of dastans on the love story to a certain extent, we also see the strong influence of literary traditions. In dastans, the integrity and accuracy characteristic of individual works are not preserved, but if we remember that these are monuments, transmitted by word of mouth or handwriting, these inaccuracies must surely be justified. The Tatar romanic dastans, which have absorbed the national identity of the Tatar people from the depths of centuries, have not lost their close ties with Eastern literature. It is truly an authentic, valuable spiritual heritage.

References

1. Zahidullina D. F. Tatar ədəbiyaty: Teoriya. Tarih / D. F. Zahidullina, Ə. M. Zakirҗanov, T. Sh. Gyjləҗev. – Kazan: Məgarif, 2004. – 247 b.

2. Kisekbash kitaby. – Kazan: Matbagai «Kərimiya», 1913. – 16 b.

3. Kotb. Həsrəү və Shirin / Red. kol: Z. R. Vəlieva, A. G. Əhmədullin, H. J. Miңnegulov, R. I. Vəliev, T. N Galiullin, D. F. Zahidullina. – Kazan: Məgarif, 2003. – 367 b.

4. Lotman Yu. M. Ob iskusstve. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 1998. – 704 s.

5. Mihajlov A. D. Glava tret'ya. Tvorchestvo Kret'ena de Trua // Francuzskij rycarskij roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoj literature. M.: Nauka, 1976. – 351 s.

6. Məhəmmətҗanova L. H. Dən'ya civilizaciyasendə Tatar dastannary. – Kazan: TƏhSI, 2018. – 280 b.

7. Nizami G. Stihotvoreniya i poemy / vstup. st., sost. i primech. G. Alieva. – L.: Sov. Pisatel', Leningr. otd-nie, 1981. – 792 s.

8. Pospelov G. N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatury. Ucheb.posobie dlya studentov ped.in–tov po spec. №2101 «Russkij yazyk i literatura». – Moskva, «Prosveshchenie», 1971. – 271 s.

9. Sadyjkova A. H. XII–XX gasyr bashy Tatar ədəbiyatynda dini fol'klor. – Kazan: IYaLI, 2014. – 308 b.

10. Sarai S. Kitabe Gəlstan bit-tərki. Kis.1. – Kazan: Kazan un-ty, 1980. – 137 b.

11. Tahir – Zəhrə // Centr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT. – 1940. – F. 7. – Ed. hr. 3. P. 1.

12. Tahir belən Zəhrə // Centr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT. – F. 41. – Op. 1. – Ed. hr. 6, 63.

13. Tahir belən Zəhrə // Centr pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT. – F. 39. – Ed. hr. 2811; F. 41. – Op. 1. – Ed. hr. 6, 63.

14. Tatar halyk iҗaty. Dastannar / tomny tөzүche, keresh məkalə həm iskərmələrne yazuchy F. V. Əhmətova. – Kazan: Tatar kit. nəshr., 1984. – 384 b.

15. Tatarskoe narodnoe tvorchestvo: v 15 t. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2019. – T. 8: Dastany. – 471 s.

16. Fizuli M. S. Lejli i Medzhnun [Elektronnyj resurs] // URL: https://litlife.club/books/237706/read?page=8 (data obrashcheniya: 10.02.2022).

17. Yahin F. Z. Urta gasyrlar Tatar ədəbiyaty: Tatar shig"riyatendə dini mistika həm mifologiya. – Kazan: Rannur, 2003. – 416 b.

Литература

1. Заһидуллина Д. Ф. Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов, Т. Ш. Гыйләҗев. – Казан: Мәгариф, 2004. – 247 б.

2. Кисекбаш китабы. – Казан: Матбагаи «Кәримия», 1913. – 16 б.

3. Котб. Хөсрәү вә Ширин / Ред. кол: З. Р. Вәлиева, А. Г. Әхмәдуллин, Х. Й. Миңнегулов, Р. И. Вәлиев, Т. Н. Галиуллин, Д. Ф. Заһидуллина. – Казан: Мәгариф, 2003. – 367 б.

4. Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – 704 с.

5. Михайлов А. Д. Глава третья. Творчество Кретьена де Труа // Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. – 351 с.

6. Мөхәммәтҗанова Л.Х. Дөнья цивилизациясендә татар дастаннары. – Казан: ТӘһСИ, 2018. – 280 б.

7. Низами Г. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост. и примеч. Г. Алиева. – Л.: Сов. Писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. – 792 с.

8. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. Учеб.пособие для студентов пед.ин–тов по спец. №2101 «Русский язык и литература». – Москва, «Просвещение», 1971. – 271 с.

9. Садыйкова А. Х. XII–XX гасыр башы татар әдәбиятында дини фольклор. – Казан: ИЯЛИ, 2014. – 308 б.

10. Сараи С. Китабе Гөлстан бит-төрки. Кис.1. – Казан: Казан ун-ты, 1980. – 137 б.

11. Таһир – Зөһрә // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. –1940. – Ф. 7. – Ед. хр. 3. П. 1.

12. Таһир белән Зөһрә // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Ф. 41. – Оп. 1. – Ед. хр. 6, 63.

13. Таһир белән Зөһрә // Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Ф. 39. – Ед. хр. 2811; Ф. 41. – Оп. 1. – Ед. хр. 6, 63.

14. Татар халык иҗаты. Дастаннар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Ф. В. Әхмәтова. – Казан: Татар кит. нәшр., 1984. – 384 б.

15. Татарское народное творчество: в 15 т. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. – Т. 8: Дастаны. – 471 с.

16. Физули М. С. Лейли и Меджнун [Электронный ресурс] // URL: https://litlife.club/books/237706/read?page=8 (дата обращения: 10.02.2022).

17. Яхин Ф. З. Урта гасырлар татар әдәбияты: Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. – Казан: Раннур, 2003. – 416 б.

KHUSAYNOVA Gulnira Razifovna – Candidate of Philological Sciences, librarian of the 2 category of manuscripts and rare books of the National Library of the Republic of Tatarstan.

E-mail: gulnira2010@yandex.ru

ХУСАЙНОВА Гульнира Разифовна – к. филол. н., библиотекарь II категории отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан.

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 811.512.1
DOI 10.25587/litteraesvfu.2023.68.75.007

Глаголы каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»)[1]

Н. А. Сивцева
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия
✉ sivna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию глаголов каузации начала существования в произведении А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»). Определен состав глаголов каузации начала существования в структуре данного поэтического текста, проанализированы их значение, использованное в определенном контексте. Исследование базируется на принципах функционально-семантического подхода, позволяющего отобразить целостную организацию универсальных семантических категорий с определенным содержанием и средствами выражения. В исследовании применены структурный анализ, позволяющий представить наиболее подробную характеристику отношений между компонентами языковых явлений; контекстное описание с приемами наблюдения, обобщения. Описание примеров осуществлено на основе глоссирования как метода репрезентации текстов. Обращение к тексту А. Е. Кулаковского, основоположника якутской художественной литературы, позволяет выявить особенности в использовании языковых средств в ранней зарождающейся литературной поэзии, отличной от традиции устного народного творчества. В статье впервые подвергаются анализу глаголы каузации начала существования, изложенные в указанном произведении.

Ключевые слова: бытие, поэтический текст, глагол, значение, типовая семантика, каузация начала существования, фольклор, литература, традиция, А. Е. Кулаковский.

Для цитирования: Сивцева Н. А. Глаголы каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»). Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 56–63. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.68.75.007.

The verbs of causation of the beginning of existence in the poetic text of Kulakovsky's *Ottoku oluk algyha* ("Blessing of the middle generation")

N. A. Sivtseva
IRISN SB RAS, Yakutsk, Russia
✉ sivna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the verbs of causation of the beginning of existence in Alexei Kulakovsky's Ottoku oluk algyha ("Blessing of the middle generation"). The composition of the verbs of causation of the beginning of existence in the structure of this poetic text is determined,

1 Исследование выполнено в рамках осуществления проекта НИР «Якутский язык: систематизация единиц разного уровня для формального представления лингвистических данных. Блок 1. Имя и глагол в системе семантических конструкций якутского языка (2021-2023 гг.).

© Н. А. Сивцева, 2023

their meaning used in a certain context is analyzed. The research is based on the principles of the functional-semantic approach, which allows to display the integral organization of universal semantic categories with a certain content and means of expression. The study uses structural analysis, which allows us to present the most detailed characteristics of the relations between the components of linguistic phenomena; contextual description with methods of observation and generalization. The examples are described on the basis of glossing as a method of text representation. The appeal to the text of Kulakovsky, the founder of Yakut litearure, allows us to identify features in the use of linguistic means in the early emerging literary poetry, different from the tradition of oral folk art. The article analyzes for the first time the verbs of causation of the beginning of existence, set forth in this work.

Keywords: being, poetic text, verb, meaning, typical semantics, causation of the beginning of existence, folklore, literature, tradition, Alexei Kulakovsky.

For citation: Sivtseva N. A. The verbs of causation of the beginning of existence in the poetic text of A. E. Kulakovsky «Ottoku oluk algyha » («Blessing of the middle generation»). Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 56–63. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.68.75.007.

Введение

Понимая язык художественных произведений как язык, на котором создаются художественные произведения, и как поэтический язык в качестве системы правил, составляющих основу художественных текстов, их создания и толкования [1, с. 608], актуальность его исследования видится в том, что в нем отображаются всякие изменения норм литературного языка. Целью данной статьи является описание глаголов каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»), для достижения которой определены состав глаголов каузации начала существования в структуре данного поэтического произведения, а также проанализированы их значение, выраженное в определенном контекстном окружении. Данная статья осуществлена на основе функционально-семантического подхода в изучении явлений языка, согласно которому является возможным изложение целостной организации универсальных семантических категорий с определенным содержанием и средствами выражения [2, с. 5 - 39]. В исследовании применены структурный анализ, контекстное описание с приемами наблюдения, обобщения и с элементами количественной обработки данных. Для анализа выбран текст произведения А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»), написанный первым якутским поэтом в 1916 г. [3, с. 234-237]. Выявление особенностей использования языковых средств в ранней якутской литературной поэзии, отличной от фольклорных традиций, предполагает обращение к тексту основоположника якутской художественной литературы А. Е. Кулаковского [4, с. 256-262; 5, с. 85-116; 6, с. 98-118; 7, с. 144-147; 8, с. 169-172]. Данная статья представляет собой продолжение исследования бытийных глаголов в научных и художественных текстах А. Е. Кулаковского как глаголов, называющих процесс бытия, существования, наличия [9; 10, с. 48-55; 11, с. 126-131]. В ней впервые рассмотрены глаголы каузации начала существования, изложенные в указанном произведении, как обозначающие начальную фазу бытия, существования.

Основная часть исследования

В якутском языке глаголы каузации начала существования, представляя лексико-семантическую подгруппу глаголов, обозначающих начальную фазу бытия, существования, имеют типовую семантику – «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо» [14, с. 366]. Такие глаголы, как *төрүттээ* ‘основывать, создавать что-либо; начинать что-либо, приступать к чему-либо’, *олохтоо* ‘заселять, поселять, вселять; устанавливать; обосновывать’, *төрөт* ‘рождать, рожать, родить, производить на свет’, являются базовыми глаголами подгруппы, обозначающей каузацию начала существования.

В стихотворении А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения», 1912 г.), адресованном так называемому среднему поколению, изложенном в жанре алгыс-благословение, представлены просветительские взгляды поэта, основанные на таких высоких моральных качествах, как неприятие зла и насилия, защита правды и добра [3, с. 234-237]. Поэт желает молодому поколению счастливой судьбы, успехов в практических делах и начинаниях, и при этом, придерживаясь современных ему убеждений, советует равняться на лучших представителей других наций [12, с. 499-500]. В отличие от фольклорных текстов жанра алгыс-благословение, в данном произведении А. Е. Кулаковского не упоминаются имена божеств.

В результате исследования текста рассматриваемого произведения выявлены следующие глаголы каузации начала существования в форме побудительного залога во 2 л. ед. ч.: *үөдүт* от *үөдүй* ʻвозникать, происходить’; *тэнит* от *тэний* ʻрасширяться, распространяться, размножаться, давая потомство, плодиться’; *сырыырҕат* от *сырыырҕаа* ʻсновать, шнырять туда-сюда (о толпе, транспорте); бегать на большие расстояния в поисках самки в период гона (о самцах диких и домашних животных); *туругурт* от *туругур* ʻупрочиться, окрепнуть, укрепиться’; *үрдэт* от *үрдээ* ʻвырастать, увеличиваться, повышаться в количестве, подниматься’ [3, с. 234-235]. Примечательно то, что указанные глаголы в своей изначальной форме без аффикса побудительного залога – *т* сами по себе не обладают значением, указывающим на каузацию начала существования. Семантика «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо» приобретается ими в форме побудительного залога, когда в них указывается на действие, побуждаемое или допускаемое грамматическим субъектом со стороны другого действующего лица [15, с. 254]. При этом важным является то, что действие мыслится как фактически совершаемое другим деятелем, по отношению к которому грамматический субъект является лишь лицом, побуждающим или причиной к совершению действия. Таким образом, использование указанных глаголов в рассматриваемом поэтическом тексте в форме побудительного залога, образованной при помощи аффикса – *т*, выражает значение каузации начала существования, при котором действие понимается как совершаемое другим деятелем и возникающее после побуждения к нему грамматическим субъектом.

Далее рассмотрим каждый глагол каузации начала существования, выявленный в стихотворении А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения»), с учетом семантики его изначальной основы со значением, приобретаемым им посредством формы побудительного залога, а также определенного контекста.

Үөдүт – глагол каузации начала существования, образованный от глагольной основы *үөдүй* ʻвозникать, происходить’ и аффикса побудительного залога – *т* [6, с. 234]. В БТСЯЯ указано единственное значение глагола *үөдүй* как ʻвозникать, происходить’ [13, с. 467], является глаголом бытия, обозначающим начало существования, события, действия. Семантику каузации начала существования приобретает в форме побудительного залога, образованного посредством аффикса – *т*: *үөдүт*, и понимается как ʻдавать начало возникновению, происхождению, способствовать появлению чего-кого-нибудь’:

Көй-көмүс ордуу-ну
многочисленный золотой логово-ACC
Көҥүл-э-нэн үөдүй-т.
свобода-POSS.3SG-INS плодиться-CAUS
ʻМногочисленному золотому логову
Свободно дай плодиться’ [3, с. 234].

В приведенном примере глагол каузации начала существования үөдүт ʻдавать начало возникновению, происхождению, способствовать появлению чего-кого-нибудьʼ, изложен в форме 2 л. ед. ч. в синтаксической позиции сказуемого.

Тэнит – глагол каузации начала существования, образованный от глагольной основы *тэний* ʻрасширяться, распространяться, размножаться, давая потомство, плодитьсяʼ и аффикса побудительного залога – *т* [6, с. 234]. *Тэний* ʻрасширяться, распространяться, размножаться, давая потомство, плодитьсяʼ, будучи глаголом бытия, обозначающим начало существования, события, действия, имеет следующие значения: 1) становиться более широким, растягиваться, расширяться; 2) расширяться, занимая все большее пространство; 3) заполнять собою, накрывать окружающее пространство, расползаться; 4) распространяться, охватывая широкий круг участников, становиться доступным, известным для многих; 5) размножаться, давая потомство, плодиться; 6) становиться спокойным, успокаиваться; приходить в бодрое физическое состояние [13, с. 483]. В рассматриваемом произведении указанный глагол в форме побудительного залога понимается в значении ʻспособствовать началу размножения кого-чего-либо, давать плодитьсяʼ:

Иэримэ-көмүс дьиэ-ни
родной золотой дом-ACC
Иилээ-эн-саҕалаа-ан тэний-т!
окружить-CVB.PAST-окаймить-CVB.PAST тэний-CAUS
ʻРодному золотому дому,
Окружая-окаймляя, дай плодиться!ʼ [3, с. 234].

В указанной синтаксической конструкции глагол каузации начала существования *тэнит* ʻспособствовать началу размножения кого-чего-либо, давать плодитьсяʼ изложен в форме 2 л. ед. ч. в позиции сказуемого.

Сырыырҕат – глагол каузации начала существования, образованный от глагола движения *сырыырҕаа* ʻсновать, шнырять; бегать на большие расстоянияʼ, и аффикса побудительного залога – *т* [6, с. 235]. В БТСЯЯ изложены следующие значения глагола движения *сырыырҕаа:* 1) сновать, шнырять туда-сюда (о толпе, транспорте); 2) бегать на большие расстояния в поисках самки в период гона (о самцах диких и домашних животных) [13, с. 476]. В форме побудительного залога указанный глагол приобретает сему каузации начала существования в значении ʻспособствовать началу движения как существования кого-чего-либоʼ:

Сыһыы-сыһыы муҥунан
равнина-равнина POST
Сыспа сиэл-лээх-и
густой грива-PROPR-ACC
Сытаан сырыырҕа-т
уметь бегать-CAUS
ʻНа всю равнину
Густым гривам
Сумей дать движениеʻ [3, с. 234].

Глагол каузации начала существования *сырыырҕат* ʻспособствовать началу движения как существования кого-чего-либоʼ в этом примере выполняет синтаксическую функцию сказуемого.

Туругурт – глагол каузации начала существования, образованный от глагола бытия *туругур* ʻупрочиться, окрепнуть, укрепитьсяʼ, обозначающего начало существования,

события, действия, и аффикса побудительного залога – *т*. В БТСЯЯ представлены следующие значения глагола *туругур* ʻупрочиться, окрепнуть, укрепиться’: 1) приветствовать кого-что-либо, желая здравствовать; 2) упрочиться, окрепнуть, укрепиться; 3) становиться здоровым, благополучным [13, с. 166]. В форме побудительного залога, обозначая ситуацию каузации начала существования, понимается в значении ʻдавать окрепнуть, укрепиться, способствовать упрочению кого-чего-либо’:

Дьокуут омук сор-доох
якут народ несчастье-PROPR
Олоҕ-у-н толкуйдаа-ан
жизнь-POSS.3SG-ACC обдумать-CVB.PAST
Дьол-у-н туругур-т
Счастье- POSS.3SG-ACC укрепить-CAUS
ʻНесчастному якутскому народу,
Обдумав его жизнь,
Поспособствуй укреплению его счастья’ [3, с. 235].

В вышеприведенном примере видно, что глагол каузации начала существования *туругурт* ʻдавать окрепнуть, укрепиться, способствовать упрочению кого-чего-либо’ в рассматриваемом произведении А. Е. Кулаковского использован в синтаксической позиции сказуемого.

Үрдэт – глагол каузации начала существования, образованный от глагола функционального состояния *үрдээ* ʻвырастать, увеличиваться, повышаться в количестве’ и аффикса побудительного залога – *т*. В БТСЯЯ изложены следующие значения глагола *үрдээ* ʻвырастать, увеличиваться, повышаться в количестве, подниматься’: 1) становиться выше, вырастать, подрастать; 2) увеличиваться, повышаться в количестве; 3) перейти на более высокую должность, повыситься в должности; 4) подниматься, повышаться [13, с. 528]. В форме побудительного залога данный глагол обозначает ситуацию каузации начала существования, принимая значение ʻспособствовать увеличению, повышению в количестве’:

Үс дойду
три мир
Өй-үн түм-эн,
Мудрость-POSS.3SG-ACC собрать- CVB.PAST
Өрөгөй-үн үрдэ-т
удача-POSS.3SG-ACC увеличить- CAUS
ʻТрём мирам,
Собрав их мудрость,
Поспособствуй увеличению их удачи’ [3, с. 325].

В указанной синтаксической конструкции глагол каузации начала существования *үрдэт* ʻспособствовать увеличению, повышению в количестве’ изложен в форме 2 л. ед. ч. в позиции сказуемого. Таким образом, все рассматриваемые глаголы в структурной организации произведения не встречаются в зачине и концовке, а представлены в его основной части именно в синтаксической позиции сказуемого.

Заключение

В результате исследования поэтического текста А. Е. Кулаковского «Оттоку олук алгыһа» («Благословение среднего поколения») обнаружено использование всего 5 глаголов каузации начала существования. В формальном отношении указанные глаголы являются образованными преимущественно от глаголов бытия, обозначающих начало

существования, события, действия (*үөдүт* ʻдавать начало возникновению, происхождению, способствовать появлению чего-кого-нибудьʼ, *тэнит* ʻспособствовать началу размножения кого-чего-либо, давать плодитьсяʼ, *туругурт* ʻдавать окрепнуть, укрепиться, способствовать упрочению кого-чего-либоʼ), а также от глагола движения (*сырыырҕат* ʻспособствовать началу движения как существования кого-чего-либоʼ) и функционального состояния (*үрдэт* ʻспособствовать увеличению, повышению в количествеʼ) путём присоединения к ним аффикса побудительного залога – *т.* Установлено, что использование указанных глаголов в рассматриваемом поэтическом тексте в форме побудительного залога во 2 л. ед. ч. выражает значение каузации начала существования, при котором действие понимается как совершаемое другим деятелем и возникающее после побуждения к нему грамматическим субъектом. Обнаруженные глаголы с типовой семантикой «давать (дать) начало какому-либо событию, явлению, способствовать появлению, возникновению кого-чего-либо», образованные при помощи аффикса побудительного залога – т, использованы в стихотворении в синтаксической позиции сказуемого и структурно представлены в его средней части, что можно воспринимать как отражение индивидуализированного авторского решения над составлением текста, основанного на устойчивых фольклорных традициях.

Список условных обозначений грамматических значений

ACC – аккузатив / винительный падеж
POSS – посессив / притяжательный
3 – третье лицо
SG – единственное число
INS – инструментал / орудный падеж
CAUS – каузатив / побудительный залог
CVB.PAST – конверб прошедшее /деепричастие на *–ан*
PROPR – проприетив / атрибутив со значением обладания
POST – послелог

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

2. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М.: Комкнига, 2007. – С. 5-39.

3. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 240 с.

4. Сивцева Н. А. Временная форма глаголов-сказуемых в сложном синтаксическом целом (на материале прозы А. И. Софронова-Алампа) // European Social Science Journal. – 2011. – № 12. – С. 256-262.

5. Сивцева Н. А. Морфологические средства выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 85-116.

6. Сивцева Н. А. Категория определенности-неопределенности: семантика лексических средств выражения // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: [Электронный ресурс]. – Якутск: 2017. – С. 98-118; http://igi.ysn.ru/files/publicasii/fsc.pdf.

7. Единство временных форм глаголов-сказуемых как средство межфразовой связи в якутском тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2012. – № 5. – С. 144-147.

8. Сивцева Н. А. Собственные и нарицательные имена существительные как средства межфразовой связи в якутском языке (на примере сложного синтаксического целого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12. – Ч. 2. – С. 169-172.

9. Сивцева Н. А. Бытийные глаголы в научном тексте Алексея Елисеевича Кулаковского // Мир науки. Социология, филология и культурология. – 2020. – № 3. – Том 11; https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK320.pdf.

10. Сивцева Н. А. Глаголы каузации начала существования в поэтическом тексте А. Е. Кулаковского «Былыргылыы алгыс» («Благословение по-старинному»)// Вопросы национальных литератур. – 2022. – № 3. – С. 48 - 55. https://doi.org/10.25587/litteraesvfu.2022.68.17.007

11. Сивцева Н. А. Глаголы начала каузации существования в поэтических текстах А. Е. Кулаковского жанра алгыс (благословение) // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков [Электронный ресурс]: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата филологических наук, доцента Ю. И. Васильева-Дьаргыстай (16 декабря 2022 г., г. Якутск) / [Сост.: И. Ю. Васильев, Д. И. Чиркоева, М. П. Попова и др.]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2022. – С. 126-131.

12. Кулаковский А. Е. Полное собрание сочинений: в 9 т. Поэтические произведения. Том 1. – Новосибирск: Наука, 2009. – 631 с.

13. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т 1-15 / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2018.

14. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 1999 – 576 с.

15. Грамматика современного якутского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 495 с.

References

1. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Jarcevoj. – 2-e izd., dopolnennoe. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2002. – 709 s.

2. Bondarko A. V. Vvedenie. Osnovanija funkcional'noj grammatiki // Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis. – M.: Komkniga, 2007. – S. 5-39.

3. Kulakovskij A. E. Yrya-hohoon. – D'okuuskaj: Bichik, 2002. – 240 s.

4. Sivceva N. A. Vremennaja forma glagolov-skazuemyh v slozhnom sintaksicheskom celom (na materiale prozy A. I. Sofronova-Alampa) // European Social Science Journal. – 2011. – № 12. – S. 256-262.

5. Sivceva N. A. Morfologicheskie sredstva vyrazhenija kategorii opredelennosti-neopredelennosti v jakutskom jazyke // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v jakutskom jazyke. Sposoby vyrazhenija. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – S. 85-116.

6. Sivceva N. A. Kategorija opredelennosti-neopredelennosti: semantika leksicheskih sredstv vyrazhenija // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v jakutskom jazyke: grammaticheskaja i leksicheskaja baza: [Jelektronnyj resurs]. – Jakutsk: 2017. – S. 98-118; http://igi.ysn.ru/files/publicasii/fsc.pdf.

7. Edinstvo vremennyh form glagolov-skazuemyh kak sredstvo mezhfrazovoj svjazi v jakutskom tekste // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. – 2012. – № 5. – S. 144-147.

8. Sivceva N. A. Sobstvennye i naricatel'nye imena sushhestvitel'nye kak sredstva mezhfrazovoj svjazi v jakutskom jazyke (na primere slozhnogo sintaksicheskogo celogo) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 12. – Ch. 2. – S. 169-172.

9. Sivceva N. A. Bytijnye glagoly v nauchnom tekste Alekseja Eliseevicha Kulakovskogo // Mir nauki. Sociologija, filologija i kul'turologija. – 2020. – № 3. – Tom 11; https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK320.pdf.

10. Sivceva N. A. Glagoly kauzacii nachala sushhestvovanija v pojeticheskom tekste A. E. Kulakovskogo «Bylyrgylyy algys» («Blagoslovenie po-starinnomu»)// Voprosy nacional'nyh literatur. – 2022. – № 3. – S. 48-55. https://doi.org/10.25587/litteraesvfu.2022.68.17.007.

11. Sivceva N. A. Glagoly nachala kauzacii sushhestvovanija v pojeticheskih tekstah A. E. Kulakovskogo zhanra algys (blagoslovenie) // Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie tjurkskih jazykov [Jelektronnyj resurs]: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju so dnja rozhdenija izvestnogo tjurkologa, obshhestvennogo dejatelja, kandidata filologicheskih nauk, docenta Ju. I. Vasil'eva-D'argystaj (16 dekabrja 2022 g., g. Jakutsk) / [Sost.: I. Ju. Vasil'ev, D. I. Chirkoeva, M. P. Popova i dr.]. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2022. – S. 126-131.

12. Kulakovskij A. E. Polnoe sobranie sochinenij: v 9 t. Pojeticheskie proizvedenija. Tom 1. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 631 s.

13. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: v 15 t. T 1-15 / pod red. P. A. Slepcova. – Novosibirsk: Nauka, 2004-2018.

14. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / Pod red. prof. L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS KNIGA, 1999 – 576 s.

15. Grammatika sovremennogo jakutskogo jazyka. Fonetika i morfologija. – M.: Nauka, 1982. – 495 s.

СИВЦЕВА Наталия Александровна – к. филол. н., научный сотрудник Института гуманитарных наук и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: sivna@mail.ru

SIVTSEVA Nataliya Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

Литературовед, археограф, текстолог (Башкирский ученый Г. Х. Абдрафикова отмечает свое 50-летие)

М. Х. Надергулов
Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
✉ nadergul@mail.ru

Современное башкирское литературоведение имеет немало высоких достижений: подготовлена и издана «История башкирской литературы» в 7 -ми томах на башкирском языке и в 3-х томах на русском языке, увидели свет первые три тома «Антологии башкирской литературы», содержащие в себе тексты лучших произведений национальной поэзии, прозы, драматургии и художественной публицистики досоветского периода. Отдельными книгами опубликованы произведения таких писателей XIX – начала XX вв., как Ризаитдин Фахретдинов, Гарифулла Кииков, Закир Хади и других. В подготовке этих изданий активное участие принимала литературовед и археограф Г. Х. Абдрафикова.

Гульнара Хависовна родилась 22 января 1973 г. в с. Тазеево Илишевского района Башкирской АССР в семье сельской интеллигенции. С 1980 по 1990 гг. училась в Тазеевской начальной и Кужбахтинской средней школах. В 1995 г. с красным дипломом окончила факультет башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета. Окончив в 1998 г. очную аспирантуру при Институте истории, языка и литературы Уфимского научного центра (с 2018 г. Уфимский федеральный исследовательский центр) РАН, под руководством академика Академии Наук Республики Башкортостан Г. Б. Хусаинова успешно защитила кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию проблем малых жанров башкирской прозы.

Трудовую деятельность начала в 1998 г. в Институте истории, языка и литературы научным сотрудником отдела литературоведения, где работает и по настоящее время в должности ведущего научного сотрудника, в то же время с 2020 г. она заведует отделом восточных рукописей. Исследования ученый ведет по разным периодам истории

башкирской литературы. Кроме литературоведения, в круг ее научных интересов входят также текстология, археография, арабографичная печать начала XX в., старопечатные книги и рукописи XIX — начала XX вв., история и духовная культура башкирского и других тюркских народов.

Г. Х. Абдрафикова является автором более 150 научных и научно-популярных трудов и составителем 8 учебно-методических пособий для учителей башкирских школ по творчеству Мифтахетдина Акмуллы, Шайхзады Бабича, Рами Гарипова и Рашита Нигмати. Участвует в разработке и написании «Истории башкирской литературы в 4-х томах» на русском языке, три из которых уже увидели свет, а также в разработке и составлении «Антологии башкирской литературы начала XX века», «Антологии башкирской литературы 1917-1955 годов», «Антологии башкирской литературы середины 50-х – начала 90-х годов» на башкирском языке. Много внимания уделяет она изучению и популяризации арабографичных рукописей, книг и других источников XIX—первой трети XX вв.

Одним из итогов научных изысканий ученого стала монография «Малые жанры башкирской прозы (природа жанра, пути развития, современное состояние)» (2005). В ней впервые выявлены истоки малых жанров национальной прозы, раскрыты природа и структурные особенности таких жанров и жанровых форм, как хикаят, новелла, нэсер и парса, анализированы их лучшие образцы, определены место и роль в развитии башкирского словесного искусства.

Г. Х. Абдрафикова является одной из авторов-составителей коллективных работ «Образцы башкирской прозы XIX — начала XX веков» (2006), «Фахретдинов Ризаитдин. Асар (Сочинения). Книга первая» (2006), «Фахретдинов Ризаитдин. Асар (Сочинения). Книга вторая» (2009), «Фахретдинов Ризаитдин. Утешение. Книга первая» (2011), «Фахретдинов Ризаитдин. Утешение. Книга вторая» (2021) и «Первый печатный орган Башкирской Автономии — газета «Башҡорт» (2019), «Научное наследие государственных деятелей, стоявших у истоков создания Башкирской республики. Т.1.» (2021), «Хабибулла Габитов – ученый, поэт и общественный деятель: документы и материалы о жизни и творчестве» (2021).

Как было отмечено выше, в 2020 г. решением дирекции института она была назначена заведующей отделом восточных рукописей, созданного в ноябре 2014 г. из числа некоторых сотрудников отдела литературоведения. Вследствие Гульнара Хависовна большую часть своего времени стала уделять налаживанию работы этой новой структурной организации. Основные исследования отдела восточных рукописей тесно связаны с фондом рукописей и старопечатных книг института, в котором ныне хранятся около 7 тысяч арабографичных письменных памятников. Эти архивные материалы собраны входе многочисленных археографических экспедиций и командировок, организованных с 1973 г. в различные районы Башкортостана, а также в населенные пункты соседних областей, где компактно проживает башкирское население. Ныне за счет различных научных грантов отдел продолжает организовывать археографические экспедиции и командировки с целью выявления и сбора арабографичных рукописей и старопечатных книг прошлых веков, а в стационарных условиях ведет систематическую работу по составлению описей и каталогов этих письменных памятников, их научному описанию, а также по подготовке к публикации текстов наиболее интересных и ценных архивных материалов.

В 2017-2018 гг. Г. Х. Абдрафикова лично принимала участие в экспедициях в Балтачевский, Татышлинский и Кугарчинский районы республики. В результате было выявлено более 100 рукописей и старопечатных книг. Кроме того, члены экспедиции сделали несколько аудиозаписей бытующих в настоящее время башкирских баитов и мунаджатов, сфотографировали ряд редких книг и рукописей из частных коллекций. Надо сказать, эти выявленные и собранные материалы имеют важное источниковедческое значение для изучения истории арабографичной письменной литературы и, в целом, путей эволюции духовной культуры народов Урало-Поволжья в прошлые века.

К примеру, в 2017 г. в ходе археографической экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан в мечети деревни Старочукурово среди множества других документов была обнаружена книга башкирского просветителя, сына знаменитого поэта XIX в., выходца из этой деревни Гали Сокорыя – Гарифуллы Кикова «Гайн ар-риза» («Источник довольства»), изданная в 1900 г. в Казани. В этой книге автор рассказывает о наставниках-мюршидах отца, как местных, так и зарубежных, о четырехкратном совершении им хаджа - паломничества в святыни ислама в города Мекку и Медину, а также о воспитании им своих учеников-мюридов, излагает историю родника вблизи села Старое Курдымово, который до сих пор именуется «родником Хазрата», повествует об особенностях распространения традиций суфизма на территории Урало-Поволжья. В книгу включены также несколько стихотворений Гарифуллы Кикова, посвященные своему отцу и вышеупомянутому роднику. В 2019 г. Г. Х. Абдрафикова совместно с сотрудником отдела восточных рукописей С. А. Искандаровой впервые подготовила и издала эту книгу в транслитерации и переводе на современный башкирский язык с приложением факсимиле полного арабографичного текста на компакт-диске. Появление на свет такого исследования открывает возможность перевода в дальнейшем данного сочинения Г. Кикова на русский и другие языки. В июле того же года участвовала в фестивале табынского рода «Табын-фэст» в Татышлинском районе с презентацией книги «Гарифулла Кикиов. ‘Айн ар-риза (Родник хазрата, или Курдымовский родник)». За оказанную помощь в издании вышеуказанной книги получила «Благодарственное письмо» Администрации муниципального района Татышлинский район РБ из рук Главы администрации Р. К. Гараева.

С целью поиска и изучения башкирских рукописных и старопечатных источников Гульнара Хависовна совершила научные командировки в города Казань и Санкт-Петербург. В фондах Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета ею были выявлены и скопированы арабографичные книги таких известных башкирских писателей начала XX в., как Закир Хади, Гизетдин Исанбердин, Ахкаметдин Исанбердин, Кабир Туйкин. В дальнейшем тексты этих призведений были транслитерированы с арабской графики на современный башкирский алфавит. Была подготовлена и издана книга “Закир Хади. Избранное”, куда вошли такие произведения прозаика, как “Магсум” и “Официант” с транслитерацией, факсимиле и глоссарием. В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) ею был изучен личный фонд Ризаитдина Фахретдинова, а в архиве Русского географического общества – личный фонд Мухаметсалима Уметбаева.

Ученый активно участвует в различных международных, всероссийских и региональных научных конференциях, симпозиумах. Она выступала с докладами на таких научных форумах во многих городах, в том числе в Астане, Актюбинске, Якутске и Казани.

Еще будучи аспиратном она начала успешно совмещать научно-исследовательскую работу с образовательной деятельностью. Работала учителем культуры Башкортостана в гимназии № 91, преподавала историю русской литературы в Уфимском филиале Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Принимала и принимает активное участие в выполнении грантов Российского государственного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований (в том числе в качестве руководителя), гранта Главы Республики Башкортостан, направленного на сохранение и развитие государственных языков и языков народов Республики Башкортостан.

Ученый на протяжении многих лет привлекалась к работе экспертной комиссии на Республиканскую краеведческую конкурс-конференцию учащихся «Дорогами Отечества» по номинации «Литературное краеведение», проводимую Республиканским детским оздоровительно-образовательным центром туризма, краеведения и экскурсий Министерства образования республики. Работала в составе жюри на IV Республиканском конкурсе юных сказителей и исполнителей эпоса «Урал-батыр» в 2013 г., за что имеет

«Благодарственное письмо за участие в работе жюри и популяризацию эпоса «Урал-батыр» среди учащейся молодежи» от Министерства образования Республики Башкортостан, Башкирского института социальных технологий и Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО. Участвовала в качестве члена жюри на IX республиканской научно-практической конференции учащихся «Чистая наука», которая состоялась 28 апреля 2017 г. в башкирской гимназии № 158 имени Мустая Карима, где проведена также профориентационная работа с учащимися. В декабре 2019 г. в качестве эксперта участвовала в городском фестивале башкирского фольклора «Хазина», посвященном Дню башкирского языка, дню рождения поэта и драматурга Мухаметши Бурангулова, Году театра в РФ и VI Всемирной фольклориаде. Место проведения: Башкирская городская гимназия № 20 имени Ф. Мустафиной г. Уфы. В рамках фестиваля были проведены открытые уроки и проведены профориентационные работы с учащимися гимназии.

Гульнара Хависовна активно участвует в профсоюзной, общественной и спортивной жизни Института. В 2015-2022 гг. в составе сборной команды УФИЦ РАН участвовала на 7-и Всероссийских лыжных Академиадах РАН, проводимых ежегодно среди работников РАН, которые проходили в городе Апатиты Мурманской области, Уфе, с. Лопотово Солнечногорского района Московской области, городах Чусовая Пермского края, Новосибирске, Березовске Свердловской области и неизменно занимала призовые места в своих возрастных группах. В составе сборной команды Института участвовала также в соревнованиях по настольному теннису, волейболу, плаванию. Будучи активным членом профкома много лет возглавляла комиссию по детским вопросам, сейчас является представителем отдела в профкоме Института.

Многолетняя плодотворная научная деятельность Г. Х. Абдрафиковой отмечена несколькими наградами, в том числе нагрудным знаком «Отличник образования Республики Башкортостан», почетными грамотами Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Профсоюза работников Российской академии наук, Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан, Почетной Грамотой Республики Башкортостан.

В настоящее время руководимый ею отдел активно продолжает работу по каталогизации собранных входе экспедиций восточных рукописей и старопечатных книг, готовит к изданию очередной сборник из серии «Востоковедение в Башкортостане». В рамках гранта Главы республики «Возвращенные имена» ученый совместно с некоторыми своими коллегами работает над подготовкой к изданию второго и третьего томов коллективного труда «Научное наследие государственных деятелей республики». Таким образом, Гульнара Хависовна встречает свой юбилей большими научными достижениями и реалистичными планами на будущее.

НАДЕРГУЛОВ Минлегали Хусаинович – д. филол. н., главный научный сотрудник, заведующий отделом литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: nadergul@mail.ru

NADERGULOV Minlegali Khusainovich – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Трибьют-презентация «Кулаковский среди нас»

С. Д. Дарбасова
СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
✉ dars07@mail.ru

Наследие основоположника якутской литературы, глубокого знатока и исследователя языка и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, первого исследователя Якутии по разным отраслям науки А. Е. Кулаковского (1877-1926) представляет собой синтез якутской культуры и народной философии с ориентацией на общечеловеческие ценности. Уникальность личности А. Е. Кулаковского заключается в том, что он еще при жизни стал духовным лидером народов Якутии, сыграл исключительную роль в формировании национального самосознания, в становлении интеллектуальной элиты народа саха.

С целью увековечения наследия выдающегося представителя якутского народа, признания его заслуг в развитии республики 26 января 2023 г. в г. Якутске в Доме дружбы народов, который носит его имя, состоялось итоговое мероприятие 145-летия со дня рождения поэта и ученого – трибьют-презентация «Кулаковский среди нас». Избранная форма мероприятия позволила продемонстрировать классика как живого участника современности в культурной жизни Якутии. Организаторами выступили научно-исследовательский институт А. Е. Кулаковского Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова и Дом дружбы народов им. А. Е. Кулаковского.

Презентация стала практической частью симпозиума «Алексей Кулаковский – духовный лидер Якутии» (май, 2023 г.), которая была проведена в селе Качикатцы Хангаласского улуса, где 110 лет назад писатель создал знаменитое послание «Якутской интеллигенции». Симпозиум состоялся по инициативе Первого президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева. В связи с особым значением наследия А. Е. Кулаковского для якутского народа Указом Главы Республики Саха (Якутия) А. С. Николаева под № 2461 «О 150-летии со дня рождения А. Е. Кулаковского» от 25 мая 2022 г. 2023-2027 годы объявлены в республике Пятилетием Алексея Елисеевича Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй.

В зале Дома дружбы народов собралось около 600 зрителей с разных районов Якутии. Мероприятие началось с возложения цветов к бюсту А. Е. Кулаковского и художественного чтения учащимися школы стихотворения «Благословление среднего поколения», одного из самых востребованных на сегодняшний день произведений поэта.

Первый блок трибьют-презентации «Художественное и научное наследие А. Е. Кулаковского» был посвящен научным исследованиям якутских ученых. Интервью с профессорами СВФУ, доктором биологических наук И. И. Мордосовым, главным научным сотрудником НИИ А. Е. Кулаковского, доктором филологических наук П. В. Сивцевой-Максимовой, доктором филологических наук В. В. Илларионовым, руководителем музея истории города Якутска А. П. Ноговицыным, председателем секции «Наследие А. Е. Кулаковского» конференции «Шаг в будущее» вызвало живой интерес зрителей. Ученые-исследователи творчества классика впервые вышли на широкий круг слушателей со сцены, в научно-популярной форме раскрывая универсальность интеллектуальной деятельности Кулаковского. Публичная презентация исследований в свободной, доступной форме дала понять, что заслуга Кулаковского заключается не только в демонстрации им всей глубины и многообразия мировосприятия и мысли якутов в поэтическом слоге, но и в закладке основ национальной науки, таких как языкознание, фольклористика, этнография, биология.

Второй блок «Кулаковский в памяти народной» ознакомил зрителей с общественными грантовыми проектами юбилейного года. Парк скульптур по героям произведений классика «Кулаковскай алгыстаах аартыга» («Благословенный путь Кулаковского») в селе Чычымах Таттинского улуса был создан на средства гранта Главы РС(Я) на берегу живописной реки Амга, родного улуса основоположника якутской литературы. Из уст авторов проекта зрители услышали идею создания парка с прицелом на организацию туристического маршрута по родным местам поэта.

Проект «Сквер А. Е. Кулаковского» в селе Кыйы МР «Таттинский улус» был внедрен на малой родине исследователя также на средства гранта Главы республики и при широкой финансовой поддержке общественности. В сквере установлен памятник «Алексей с дедом Николаем Собакиным», где маленький Алеша стоит рядом с дедом, прижимая книгу к груди. Известно, что дед будущего поэта и исследователя научил внука читать и писать, подготовив его таким образом к поступлению в Чурапчинское начальное училище.

Следующий проект «Ысыах собирает друзей разных национальностей» (на основе произведения А. Е. Кулаковского «Сайын кэлиитэ» («Наступление лета»)) был выполнен коллективом Жехсогонской средней общеобразовательной школы им. А. Е. Кулаковского на средства гранта Президента Российской Федерации по культурным инициативам России. Авторы продемонстрировали видеоролик о празднике наступления лета, состоялся теплый разговор ведущих с организаторами проекта.

Примечательно то, что общественные инициативы, претворенные в жизнь посредством грантовых конкурсов с охватом широких слоев общественности, вышли именно из малой родины А. Е. Кулаковского – Таттинского улуса Республики Саха (Якутия).

Третий блок «Кулаковский глазами мастера» был посвящен творчеству композитора В. В. Ксенофонтова, доцента кафедры теории и истории музыки Высшей школы музыки РС (Я) им. В. А. Босикова, автору камерной оперы «Спор между умом и сердцем» по стихотворению А. Е. Кулаковского. Другим героем блока стал народный мастер Якутии, автор памятника Кулаковскому Ф. И. Чярин.

Между блоками вниманию зрителей были представлены отрывки из спектаклей по произведениям Кулаковского «Сон шамана» (режиссер А. С. Борисов) Театра Олонхо РС(Я), «Портреты якутских женщин» (режиссер Р. Р. Дорофеев) Саха академического театра им. П. А. Ойунского, а также художественных постановок народных театров республики.

На презентации была представлена уникальная выставка: впервые личные вещи А. Е. Кулаковского были собраны в одном месте, например, швейная машинка Е. И. Лысковой, жены писателя, письменный прибор Кулаковского, седло с серебряной лукой и др. Редкие ранние издания классика, в том числе прижизненное издание «Ырыаҳоһоон» («Песни и стихи») в 2-х частях 1924-1925 гг., стало изюминкой книжной выставки Национальной библиотеки РС(Я). Экспонаты были представлены из фондов Литературного государственного музея им. П. А. Ойунского, Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, Музея истории города Якутска, Музея Хомуса РС (Я), Черкехского историко-этнографического музея им. Д. К. Сивцева-Суорун Омоллоона, Ленского государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба», музея А. Е. Кулаковского Жохсогонской СОШ Таттинского улуса, Литературно-художественного музея-заповедника «Таатта», а также из личных фондов народных мастеров Якутии. Кроме личных вещей и изданий Кулаковского наибольший интерес вызвала выставка музея Хомуса РС(Я) «Кулаковский и Крейн» из 40 варганов разных народов мира. «В фондах нашего музея хранятся экспонаты, личные вещи рода Кулаковских, поступившие от близких родственников классика. Также у нас хранится рукопись стихотворения «Песня о громе». Эта выставка уникальна тем, что доступна в таком формате только сегодня», – рассказала сотрудник Черкехского историко-мемориального музея «Якутская политическая ссылка» И. Я. Жерготова.

В заключительной части трибьют-презентации выступили члены Молодежной ассамблеи народов Якутии. Молодые люди перевели на свой родной язык отрывки из стихотворения «Благословление среднего поколения», так А. Е. Кулаковский заговорил на 15-ти разных языках народов, проживающих сегодня в нашей республике.

Идеей трибьют-презентации была демонстрация гения Кулаковского посредством его бытования в гуще народной в разных формах, несмотря на долгий период запретов, наложенных на его произведения. В период преследования имени Кулаковского родной народ сберег память о нем в самых затаенных уголках сердца, а книги с поэтическими произведениями берегли как семейную реликвию от всевидящего ока власть имущих. На вышеупомянутом симпозиуме Первый президент РС(Я) М.Е. Николаев обратился к народу со следующей установкой: «Вся жизнь Алексея Кулаковского – наглядный пример для подражания, его образ – это символ для народа. Алексей Кулаковский – это явление, широта взглядов, глубина мыслей, масштабность решаемых задач, далеко выходящих за горизонты нашего понимания жизни. Вот почему мы должны изучить его жизненный путь, осовременить его философию. Сделать его доступным народу, ведь классика А. Е. Кулаковского всегда заряжена энергией будущего». Начинается новый период шествия духовного лидера народов Якутии, новое осмысление бессмертного наследия классика.

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – к. пед. н., старший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Электронное научное периодическое издание

1 (09) 2023

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 31.03.2023
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 31.03.2023